

INSPIRIA

*Не дай свечам потухнуть,
иначе ОНО доберется до тебя...*

АСЬЕНДА

ИЗАБЕЛЬ КАНЬЯС

INSPIRIA

Novel. Готическая гостиная

Изабель Каньяс

Асьенда

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Каньяс И.

Асьенда / И. Каньяс — «Эксмо», 2022 — (Novel. Готическая гостиная)

ISBN 978-5-04-188566-3

НОМИНАНТ НА ПРЕМИИ «БРЭМА СТОКЕРА», «ЛУЧШИЙ ХОРРОР 2022» И «ЛУЧШИЙ ДЕБЮТНЫЙ РОМАН 2022». ИДЕАЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ «МЕКСИКАНСКОЙ ГОТИКИ», «РЕБЕККИ» И «ПРИЗРАКОВ ДОМА НА ХОЛМЕ». Мексика. Начало XIX века. Она — хозяйская жена. Он — священник, хранящий мрачную тайну. Их пути не должны были переплестись так тесно, но Зло не оставило им выбора. После окончания Войны за независимость юная Беатрис оказывается в затруднительном положении: ее отец убит, их дом сожжён, а им с матерью приходится прислуживать знатным родственникам. Все меняется, когда богатый землевладелец Родольфо Солорсано делает ей предложение. И не важно, что смерть его первой жены выглядит подозрительно. Беатрис нужен собственный дом. Но поместье — асьенда Сан-Исидро — оказалось вовсе не тем убежищем, которого искала девушка. С отъездом мужа каждую ночь ее одолевают жуткие и слишком похожие на реальность кошмары. Хуана, сестра Родольфо, смеется над страхами Беатрис. Но почему тогда она сама отказывается входить в дом с наступлением ночи? Зачем кухарка украшает дверной проем кухни странными символами и жжет копаловые благовония, изгоняющие злых духов? И что на самом деле случилось с первой доньей Солорсано? Беатрис обращается за помощью к падре Андресу. Молодой священник, скрывающий от всех свою истинную натуру ведуна, испытывает к девушке непреодолимое запретное влечение. Он должен совершить невозможное, чтобы защитить ее и очистить асьенду от тьмы. Если они проиграют, его ждет огонь Инквизиции, а ее — вечное заточение в стенах этого дома... «Книга сверхъестественной, леденящей душу красоты. Призраки, изгнание нечистой силы, запретная любовь — «Асьенда» переносит нас в мир, где любовь торжествует над демонами». — The New York Times «Готическая история об обреченной любви и мстительных духах». — The

Washington Post «История о любви, ужасе и потусторонней угрозе». — Harper's Bazaar «Восхитительная, красивая и полностью заслуживающая сравнения с «Ребеккой», «Асьенда» — незаменимое чтение в готическом возрождении». — CrimeReads «Если вы любите жанр готического хоррора, хотите увидеть свободолюбивую героиню и историю с большим количеством остроты, то «Асьенда» может быть именно тем, что вы искали». — Mystery & Suspense «Этот исторический роман привлекает выразительным языком и погружает нас в зловещий мир. По сюжету эта история напоминает «Ребекку» Дафны дю Морье, но наполнена гораздо более мрачным ужасом... Каньяс создала притягательных персонажей Беатрис и Андреса, и да, самого дома, но остерегайтесь крови и сверхъестественной жестокости. Страницы быстро переворачиваются к безупречному и удовлетворяющему финалу». — Historical Novel Society

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-188566-3

© Каньяс И., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	7
2	9
3	13
4	18
5	23
6	28
7	35
8	40
9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Изабель Каньяс

Асьенда

*Посвящается маме, которая первой дала мне свободу писать.
И мужу, благодаря которому у меня есть смелость продолжать
это дело.*

Isabel Cañas
THE HACIENDA

Copyright © 2022 by Isabel Cañas
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.
This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

© Радчук Е.Ю., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1

Андрес

Асьенда Сан-Исидро

Ноябрь 1823

Тонкая полоса южного горизонта казалась идеальной линией – незапятнанной даже кляксами лошадей, стоящих вдали и вскидывающих головы. Дорога зияла пустотой.

Экипаж уехал.

Я стоял спиной к воротам асьенды¹ Сан-Исидро. Высокие оштукатуренные стены белого цвета возвышались надо мной, словно кости давно почившего зверя, торчащие из темной, рас-трескавшейся земли. Где-то там за стенами, за домом и за свежевырытыми могилами позади капеллы, тлачикеро² несли мачете на поля колючей агавы. Скитаясь мальчишкой по этим полям, я узнал, что плоть агавы не поддается так же, как человеческая; тлачикеро поднимают мачете и обрушивают их раз за разом, и с каждым тупым ударом, нацеленным на добычу сладкого сока из сердцевины, они все лучше понимают, каково это – ощущать податливую мякоть под металлом и каково это – пронзать сердцевины.

С мрачных холмов в долину пробрался легкий ветер; его сухая прохлада жалила мне щеки и увлажнившиеся глаза. Пришла пора возвращаться. Возвращаться к прежней жизни. Но от одной мысли, что придется обернуться и в одиночестве созерцать тяжелые деревянные двери Сан-Исидро, мои ладони стали липкими от пота.

Однажды я, сжав челюсть, переступил порог Сан-Исидро, и тому была причина. Причина, по которой я вошел в эти ворота, словно безрассудный юноша из легенд о путешествиях в подземелья.

Теперь этой причины не стало.

И все же я стоял посреди грунтовой дороги, ведущей прочь от Сан-Исидро, прочь от Апана, устремив взгляд на горизонт с одержимостью грешника, восставшего перед святым. Будто лишь силы моей скорби было достаточно, чтобы противостоять Божьей воле и вернуть экипаж. Вернуть женщину, которую у меня отняли. Эхо удаляющихся копыт и облака пыли, что они оставили за собой, вились в воздухе подобно зажженному копалу, насмехаясь надо мной.

Говорят, земная жизнь пуста без любви Господней. Что послушание утоляет боль от ран одиночества, ибо в служении Богу мы обретаем истинную любовь и целостность.

Но если Бог – это Отец, Сын и Святой Дух, если Он и есть Троица, то Бог ничего не знает об одиночестве.

Бог ничего не знает о сером утре, которое занимается у тебя за спиной, и коленях, что оказываются на пыльной дороге. О ссутулившихся плечах, на которые опускается тяжесть понимания, что можно быть не одиноким, и острого ощущения пустоты в груди.

Бог ничего не знает об одиночестве, потому что Бог не познал дружбы, как смертные: прижавшиеся друг к другу в темноте, крошечной и колючей, будто кто-то сдирает с костей кожу, доверяющие друг другу – даже когда Дьявол дышит им в затылок.

Острые камешки впивались мне в колени сквозь потертые брюки; я был слишком измучен, чтобы плакать, дыхание стало тяжелым.

¹ Асьенда – крупное частное поместье, которое обычно представляло собой скотоводческую ферму или небольшую мануфактуру с батраками. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

² Тлачикеро – человек, занимающийся приготовлением национального напитка пульке.

Я знал, что чувствует агава. Я слышал свист мачете. Я ощущал, как грудь поддается тяжести удара. Я ведал, как мое сердце, мою сердцевину, пронзают, и сладкий мед агавы прокладывает влажные извилистые дорожки по впалой груди. А раны мои, стигматы грешника, дрожат и гноятся на солнце.

Бог ничего не знает об одиночестве.

Одиночество – это стоять на коленях в пыли, глядя на пустой горизонт.

В конце концов, не чернильные тени и не эхо многоголосого смеха Сан-Исидро сломили меня. И не страх вспарывал грудь.

Дело в том, что я потерял *ее*.

2

Беатрис

Сентябрь 1823

Двумя месяцами ранее

Родольфо распахнул дверцу экипажа, и та скрипнула. Я заморгала, привыкая к свету, разлившимся по юбкам и лицу, и как можно грациознее взялась за протянутую руку Родольфо. После нескольких часов заточения в экипаже и поездки по неровным проселочным дорогам мне хотелось выбраться из этой душной коробки и вдохнуть свежего воздуха полной грудью, но я сдержалась. Мне была уготована роль чуткой и покладистой жены. Благодаря ей я унеслась прочь от столицы, подальше от мучений в доме дяди – в долину Апан.

Благодаря ей я оказалась перед высокой дверью из темного дерева, глубоко врезанной в оштукатуренные белые стены. Благодаря ей я сейчас шурилась от ослепительного марева лазурного сентябрьского неба, а широкие плечи и уверенные руки дона Родольфо Элихио Солорсано были рядом. В солнечном свете его волнистые волосы отливали бронзой, а глаза были почти такими же ясными, как небо.

– Вот и Сан-Исидро, – сказал он.

Асьенда Сан-Исидро. Я окинула взглядом тяжелую дверь, ее кованую отделку, высокие темные кольца на заборе и увядающую бугенвиллею, которая обвивала его, – соцветия и шипы, казалось, потеряли цвет и теперь погибали.

Я выросла среди пышных зеленых садов асьенды в Куэрनावаке и ожидала совсем другого, тем не менее таковой была моя победа. Мое спасение.

Асьенда была моей.

* * *

В нашу первую встречу с Родольфо, на балу в честь провозглашения Мексики республикой, он поделился, что его семья около двухсот лет владеет асьендой, где производится пульке³.

Вот оно что, подумала я, наблюдая за тем, как граненые черты его гладко выбритого лица играют с тенями свечей в бальной зале. *Вот как ваша семья сохранила деньги во время войны*. У промышленности будут взлеты и падения, мужчины будут выжигать земли и убивать друг друга за императоров или республики, но страсть к выпивке никуда не денется.

Мы станцевали еще один круг, а за ним – еще. Родольфо наблюдал за мной с проницательностью, которая, как я тогда поняла, была для него бесценным оружием.

– Расскажите мне об асьенде, – попросила я.

Это большое имение, ответил он, раскинувшееся на невысоких холмах к северу от Апана, откуда открывается вид на поля остроконечной агавы. Целые поколения его семьи жили там до войны за независимость⁴, выращивали агаву и делали пульке – кислую брагу, которую потом отправляли на измученные жаждой столичные рынки. По его словам, их сады полны райских птиц и ласточек, парящих в воздухе, там есть большие шумные кухни для всех тлачикеро, слуг и членов семьи. Они справляют праздники в местной капелле – часовне, убранство которой составляют иконы и алтарь. В семнадцатом веке один из предков Родольфо вырезал этот алтарь, а последующие, более богатые, поколения позолотили его.

³ Пульке – мексиканский слабоалкогольный напиток, который производится из сока агавы.

⁴ Мексиканская война за независимость – вооруженный конфликт между народом Мексики и испанскими колониальными властями, продлившийся 11 лет – с 16 сентября 1810 по 27 сентября 1821 года.

– Вы по ней скучаете? – спросила я.

Он не ответил; по крайней мере, прямо. Вместо этого он описал, как в долине Апан садится солнце: сначала насыщенный золотой цвет переходит в глубокий янтарный, а затем ночь резко и уверенно накрывает светило, будто задувает свечу. Темнота в долине густая и едва ли не осязаемая, и когда гроза крадучись спускается с холмов, молнии ртутью разливаются по полям агавы и серебрят острые листья растений, как шлемы конкистадоров.

Она станет моей, решила я тогда. То был проблеск интуиции, подхватившей меня в танце вместе с сильной и надежной рукой возлюбленного.

И асьенда стала моей.

Впервые с марта мне принадлежал весь дом.

Так почему же я не ощутила безопасности, когда громоздкие двери Сан-Исидро распахнулись перед нами и мы с Родольфо вошли во двор имения?

Едва заметная дрожь, словно порхание крыльев монарха, защекотала горло, когда я стала осматривать асьенду.

Постройки были прочные и нескладные, похожие на неуклюже расставленные конечности зверька, который никогда не вырастет. Сезон дождей подходил к концу, и в сентябре саду полагалось переливаться оттенками изумрудного, но скудная растительность во дворе была цвета земли. Дикая агава, больше похожая на сорняк и чахнувшая по обеим сторонам посеребристой капеллы – которая наверняка когда-то была белой, – усеивала всю лужайку перед домом. Угасающие райские птицы гнездились по разбросанным клумбам, а их покорные головы склонялись перед нашими шагами, шуршащими по гравийной дорожке. Воздух внутри Сан-Исидро был тяжелее и плотнее, будто я очутилась в странном, беззвучном видении, где штукатурка поглощала даже пение птиц.

Обойдя капеллу, мы прошли во внутренний двор. Родольфо жестом указал на два ряда слуг, выстроившихся перед своими жилищами и кухней в ожидании хозяев. Не успели они опустить головы, как десятки черных сияющих глаз окинули меня холодными оценивающими взглядами.

Объяснив, что тлачикеро не вернутся с полей до заката, Родольфо представил мне слуг. Хосе Мендоса, некогда правая рука рабочего Эстебана Вильялобоса, который уже покинул службу, более десяти лет был учетчиком и отвечал за имение, пока Родольфо находился в столице. Мендоса снял и приложил к груди выцветшую шляпу, – его руки были в узлах от старости и труда; по возрасту он годился мне в дедушки.

Домоправительница Ана Луиза была женщиной лет пятидесяти. Ее стальные волосы были разделены пробором по центру, а косы туго оплетали голову, образуя внушительную корону. Рядом стояла ее дочь Палома, один в один мать, но с иссиня-черными волосами и круглым лицом. Остальные имена влетали мне в ухо и тут же вылетали; я слышала их, но ни одного не запомнила, так как моим вниманием завладела фигура в арочном проеме, ведущем во двор для слуг.

К нам подошла женщина – высокая, точно солдат, и с такой же развязной походкой. На ней была блеклая синяя юбка, обнажающая кожаные ботинки для езды в пятнах от пота; со шнурка вокруг шеи на спину свисала широкополая шляпа, которую, судя по цвету лица, обладательница носила не часто. Из-за долгого пребывания на солнце ее кожа стала бронзовой, а волосы – золотистыми.

Не стой под солнцем, иначе у тебя никогда не будет мужа, ехидно прошептала мне как-то тетя Фернанда, больно ущипнув за руку. Несмотря на то что она никогда не встречалась с моим отцом, а мать не рассказывала о его происхождении, тетю Фернанду это не заботило: цвета моих волос и лица ей было достаточно, чтобы признать меня нежеланной. Чтобы не позволить стоять рядом с ее молочно-бледными дочерьми на балу, где я встретила Родольфо.

Поведение Фернанды свидетельствовало лишь о том, что это мне уготовано выйти замуж за «золотого» мужа, а не ее дочерям. Судьба не была ко мне благосклонна, но иногда ее мелочность играла мне на руку.

Женщина остановилась прямо напротив меня. Ее бледные глаза в точности отражали глаза Родольфо, волосы были того же цвета, позолоченные солнцем и разметавшиеся от ветра. Она быстро окинула меня откровенным взглядом – от начищенных черных туфель, на которые быстро оседала пыль, до перчаток и шляпы.

– Ты рано, – заявила она. – Полагаю, это моя новоиспеченная сестра?

Я приоткрыла рот от удивления. Кто? Родольфо лишь однажды упомянул сестру, и то вскользь. Ее звали Хуана, и она была на несколько лет моложе самого Родольфо. Ему минуло двадцать восемь, и я предположила, что в таком возрасте Хуана, должно быть, уже замужем. Родольфо никогда не говорил о ней и Сан-Исидро вместе.

– Кажется, вы расстроились, – сказала Хуана, после того как Родольфо представил меня. Ее повеселевший тон показался мне наигранным. – Разве Родольфо не предупредил вас обо мне? – Губы у нее были сухие и тонкие – настолько тонкие, что привлекательными их было сложно назвать. Они полностью исчезали, когда Хуана говорила; а зубы цвета слоновой кости, яркие и ровные, напоминали клавиши пианино.

– Не переживайте, я обычно сама по себе. Не буду даже путаться под ногами. Я живу вон там. – Она выпятила острый подбородок, указав на низкие здания между домом и капеллой.

Хуана живет не в доме семьи?

– Почему? – выпалила я.

Лицо Хуаны изменилось, вернувшись к прежнему выражению.

– В это время года в доме ужасные сквозняки, – произнесла она негромко. – Не правда ли, Родольфо?

Родольфо, слегка напряженный на вид, все же согласился с сестрой и улыбнулся ей в ответ.

Он ее стыдится, осознала я с удивлением. Но почему? Конечно, Хуана выглядела необычно, но была в ней некая непосредственность, которая напоминала мне папу и строгость его манер. Как будто они оба обладали ненавязчивой, естественной властью – такой, которая заслуживает уважения слуг.

Я даже будто почувствовала, как воздух смещается к Хуане, к ее неоспоримой важности. И тогда мне стало ясно. Не Родольфо хозяин этого дома. А Хуана.

В груди заворочался страх; в ответ я сменила позу, расправив плечи, как это делал отец. Мне нечего было бояться. Асьенда принадлежала мне. Я вышла замуж за ее хозяина, а Хуана сама предпочла жить среди слуг. Мне стоило бы радоваться, что Родольфо так стыдится сестры, что едва говорит о ней. Она мне не угроза. Пусть остается в этом дворе, в покоях слуг. Домом буду управлять я. Это мои владения.

Подобные мысли утихомирили тревожное чувство в груди. Мы еще недолго поговорили с Хуаной и, оставив слуг работать, прошли через арочный проем на главный двор.

Родольфо дважды спрашивал, не желаю ли я остаться в столице, в старой квартире его семьи, отделанной в стиле барокко, но я отказалась. Мне нужен был дом. Я хотела забрать маму от тети Фернанды, привезти ее сюда и показать асьенду. Я хотела доказать, что замужество с Родольфо было правильным решением. Что мой выбор откроет перед нами дверь в новый мир.

Но сейчас, когда я увидела наконец дом, его покосую щербатую крышу, темные окна и белые оштукатуренные стены, состаренные непогодой, меня охватило дикое чувство.

Убирайся.

Я оцепенела. Захотелось броситься со двора, будто меня чем-то обожгло. Но я не позволила себе дрогнуть. Лишь крепче сжала руку Родольфо и прогнала это чувство. Глупости.

Меня смутила встреча с Хуаной, только и всего, но это ведь не причина для побега. Не сейчас, когда я одержала такую победу. Не сейчас, когда мне некуда бежать.

Воздух был спертый и неподвижным, и только звук наших шагов прорезал тишину. Мы подошли к невысоким широким ступеням, ведущим ко входной двери. Я сделала один шаг и замерла, с губ слетел вздох.

На третьей ступеньке лежала мертвая крыса с неестественно выгнутой шеей и жестким языком, торчащим из-за желтых зубов. Может, она упала с крыши? Хотя расколотый череп скорее свидетельствовал о том, что кто-то со всей силы швырнул ее об пол. Поблескивающие мозги разлетелись по каменной ступеньке розовыми брызгами, и на гниль уже слетелись черные мухи.

Потрясенный Родольфо закричал и потянул меня со ступеней. За нашими спинами раздался беспечный смех Хуаны – она шла прямо позади нас и в мгновение приблизилась ко мне.

– Ах, коты слегка увлеклись, – сказала она весело, будто оправдываясь за проделки непослушного племянника. – Вы же не имеете ничего против котов?

3

Родольфо показал мне дом, но осмотр был недолгим. Он пообещал, что домоправительница Ана Луиза позже объяснит, как здесь все устроено. Хотя Родольфо и провел в этом доме все детство и имел много нежных воспоминаний, связанных с ним, во время войны он приезжал сюда очень редко, и Ана Луиза управлялась здесь гораздо лучше.

Стены дома были толстыми, оштукатуренными и побеленными. Несмотря на то что на улице светило яркое солнце, коридорами завладели тень и прохлада.

Здание было построено в форме дуги, огибающей главный двор; только самая большая, центральная постройка возвышалась на два этажа. В южном крыле располагались кухня и кладовые, за них отвечала Ана Луиза. В северной части центральной постройки была лестница, ведущая на верхний этаж, который занимали спальни, господские покои и несколько пустующих гостиных. Когда мы с Родольфо спустились вниз, я обнаружила узкий проход справа от лестницы. Было похоже, будто кто-то заколотил его досками и ржавыми гвоздями на скорую руку.

– Хуана говорила, что в северном крыле что-то повреждено, – объяснил Родольфо, заметив заминку. Мое внимание было приковано к дверному проему. Он осторожно взял меня за руку и увел оттуда. – После землетрясения или наводнения, не припомню. Я прикажу Мендосе заняться этим.

Мы вошли в обеденную залу, и я подняла голову, обратив внимание на мавританскую плитку⁵, которая украшала стены от пола до высокого потолка, – должно быть, ее привезли с полуострова предки Родольфо. По периметру комнаты, почти на двенадцать футов от земли, тянулись балки. Родольфо проследил за моим взглядом.

– Когда родители устраивали тут приемы, слуги ставили наверх канделябры, – сказал он. – Было ярко, как в оперных театрах. – Вдруг улыбка и воспоминания померкли, и по его лицу пробежала тень. – Никогда не поднимайтесь наверх. Однажды оттуда упала служанка.

Что-то в его словах было не так – они показались мне холодными и даже слегка противоречивыми. По телу пробежала дрожь. Вопреки тому, что сказала Хуана, я бы не назвала холод в доме «сквозняком». Он пробирал до костей, будто в меня впивались чьи-то когти. Застоявшийся воздух был спертым, как в погребу. Меня охватило желание открыть все окна настежь и впустить в комнату свежего воздуха и света. Но Родольфо быстро провел меня дальше, резко захлопнув за собой дверь.

– Сегодня отужинаем в более приятном месте, – сказал он.

Завтра, пообещала я комнате.

Завтра я пролью свет на все твои темные углы и прикажу приготовить краску для потемневших от копоти стен.

Вдруг за дверью комнаты раздался смех.

Я застыла. Родольфо продолжил путь, но моя рука выскользнула из его.

Неужели мне послышалось? Или это все воображение? Я ведь точно слышала легкий залиvistый смех, будто за тяжелой деревянной дверью играл непослушный ребенок.

Но в комнате никого не было. Я знала, что там пусто. Я только что была там.

– Пойдемте же, *querida*⁶. – Улыбка Родольфо была слишком яркой, слишком натянутой. – До ужина нужно многое успеть.

⁵ Мавританская плитка («зулляйдж») – традиционные для мавританской архитектуры терракотовые изразцы с геометрическим декором.

⁶ Дорогая (*исп.*).

Родольфо оказался прав. Сады, конюшни, покои слуг, поселение тлачикеро и рабочих с фермы, склад, капелла... Сан-Исидро был отдельным миром.

После этого Родольфо передал меня на попечение Аны Луизы для дальнейшего знакомства с домом, и я сразу же пожалела об этом. Женщина не обладала ни приятными манерами, ни чувством юмора.

– Это зеленая гостиная. – Она указала на комнату, но войти не стала. Внутри был камин, грязный от сажи, белые стены и исцарапанные, потертые половицы.

– Но она не зеленая, – мой голос прозвучал глухо в пустом пространстве.

– Ковер был. – Единственное, что ответила мне Ана Луиза.

Как и ее голос, дом был абсолютно лишен цвета. Белый и коричневый, тени и сажа – такой была тусклая палитра Сан-Исидро. К тому моменту, как начало садиться солнце и Ана Луиза провела меня по территории для слуг и показала капеллу, у меня не осталось сил. Имение и все его участки находились в разном состоянии непригодности, и меня пугало количество усилий, которые придется приложить, чтобы привести их в надлежащий вид к приезду мамы. Но когда мы с Аной Луизой вернулись в дом и я еще раз осмотрела его со двора – от зловещей темной двери до потрескавшейся черепицы на крыше – во мне поднялась целая буря эмоций, и я не могла этому препятствовать.

Дом принадлежал *мне*. И здесь я буду в безопасности.

* * *

Семь месяцев назад меня разбудили прогремевшие удары и доносившиеся с улицы крики. Я подскочила с постели посреди ночи. С замиранием сердца, спотыкаясь о ковер, я вбежала в темный коридор и ухватилась за ручку двери в кабинет. Свет и тени насмешливо плясали на изящных стульях и тонких обоях, на потрепанной карте папиных сражений, приколотой к стене. Окна комнаты на втором этаже выходили во двор.

Я подбежала к окну. Всю улицу охватило пламя; десятки мужчин в военной форме размахивали факелами и темными мушкетами с острыми штыками. Огонь освещал их жадные ухмылки. Один из них стал колотить в дверь и выкрикивать имя моего отца.

Но где папа? Он бы, конечно, понял, в чем...

Отец открыл им дверь. Он вышел в аккуратно запахнутом вокруг жилистой фигуры халате и с растрепанными волосами. Он выглядел более усталым, чем когда-либо, залегшие тени подчеркивали его исхудавшее лицо.

Но во взгляде, которым отец окинул окружавших его мужчин, горела ненависть. Он заговорил, но, даже если б я приложила ухо к окну, все равно ничего бы не расслышала – они стояли слишком далеко, и крики заглушали любой звук. Мужчины схватили папу под руки и вытащили его из дома на улицу. Я не могла пошевелиться. Он казался таким хрупким, таким слабым...

Предатель. Всего одно слово, различимое среди криков.

Предатель.

Потом мужчины ушли.

Но те из них, что остались, скрыв лица в тени, схватились за приклады мушкетов и наставили их на окна внизу. Стекла разбились вдребезги. Мужчины стали бросать в пасти разбитых окон блестящую жидкость и факелы. Наконец они растворились в ночи, но я все еще стояла неподвижно – даже когда почувствовала запах горящего дерева, проникающий в комнату, и теплеющие половицы под ногами.

Папа не был предателем. Даже несмотря на то, что они с будущим императором начали войну по разные стороны – папа с повстанцами, а Агустин де Итурбиде⁷ с испанской армией, – в конце они сражались вместе. Папа боролся за независимость. За Мексику. Каждая битва, которую мы отмечали красными чернилами на его карте, была за Мексику, каждая...

Крик мамы пронзил мой слух. Я отпрянула от окна, но, зацепившись за ножку стула, упала и растянулась на ковре. Жар опалил легкие, густой воздух стал проникать внутрь. Дым клубился тонкими колечками сквозь половицы. Я встала на четвереньки.

Карта. Я поднялась на ноги, бросилась к стене и потянулась к кнопкам, на которых держалась карта, – они обожгли мне пальцы, и я зашипела.

– Беатрис!

Я сорвала карту, сложив ее дрожащими руками, и побежала на голос мамы. Дым застилал глаза, легкие сводило от кашля.

– Мама! – Ничего не было видно, я не могла дышать, но все равно бежала вниз по лестнице к черному ходу. Мама схватила меня и вытащила на улицу. Наши спины блестели от пота и волдырей, появившихся из-за пламени, кашель никак не прекращался... Мы были босые и застигнутые ночным холодом врасплох.

Мама отправилась в покои к слугам, чтобы разбудить их, но обнаружила лишь пустые и холодные постели. Неужели они знали обо всем? А если так, то сбежали, спасая свои шкуры, и не предупредили нас?

Наверняка они знали. Наверняка кто-то рассказал им о том, что мы узнали только в бледном и слабом свете утра следующего дня: императора Мексики, Агустина де Итурбиде, свергли. Изгнали. Отправили в Италию на корабле. А что же с его союзниками? И теми, кто был на стороне повстанцев, как папа? Их собрали и казнили.

– Я слышала, их застрелили в спину, как трусов. Они это заслужили, – сообщила за завтраком моя кузина Хосефа, задрвав свой римский нос. В ее водянистых глазах читалась насмешка.

Так как податься больше было некуда, мама привела нас в дом семьи, оставшейся у нее в Мексике. Они были единственными, кто не перестал разговаривать с мамой после того, как она вышла замуж за мужчину из низшей касты. Она привела нас в дом Себастиана Валенсуэлы, своего троюродного брата.

– Но дядя Себастиан нас терпеть не может, – скулила я, пока мы шли, дрожа от холода и высыхающего пота, в который нас бросили пламя и ледяная ночь. Под ночной сорочкой хрустела папина карта – я прижимала ее рукой к груди, будто бы защищая.

Мы бежали по темным и петляющим переулкам столицы. Обогнув дядин дом сзади, мы бросились на грязные ступени, которые вели ко входу в комнаты слуг.

После случившегося мама не доверяла ни своим, ни папиным друзьям. Нам пришлось прийти сюда.

– У нас нет выбора, – сказала тогда мама. Но у Себастиана он был.

Его жена Фернанда ясно дала это понять, впуская нас в дом. Она могла бы вышвырнуть нас. Могла бы даже не пустить на порог, и Себастиан ни на секунду не усомнился бы в ее решении.

Так обстояли наши дела, и я это понимала. Мой дядя не питал к нам никакой любви и впустил нас в свой дом лишь из-за оставшейся детской привязанности, которую он питал к кухне, давно отверженной и лишенной семьи. Он впустил нас, но весь ужин следующего дня провел за самодовольными проповедями о том, что мой отец во время войны постоянно

⁷ Агустин де Итурбиде (1783–1824) – военный деятель, первый император независимой Мексики. В войне за независимость сначала принял сторону Испании, после чего примкнул к партии инсургентов (повстанцев) и содействовал освобождению Мексики.

поступал неверно: сначала обратился к повстанцам, а позже участвовал в сговоре и создании коалиции с монархистами-консерваторами.

Хотя я и выбилась из сил и была очень голодна, аппетит испарился. Я уставилась на остывающую тарелку с едой и замерла.

– Да, это трагедия, но она была неизбежна, – с важным видом заключил дядя Себастиан. Его слишком длинные и седые бакенбарды вздрагивали с каждым прожорливым укусом, который он делал.

Я не могла распознать чувство, застрявшее в горле: мне хотелось то ли плакать, то ли вывернуть себя наизнанку. От унижения заалели щеки. Папа рисковал своей жизнью ради независимости, и у меня была карта, доказывающая это. Его враги могли предать или оболгать его. А теперь его убили. Я подняла голову от тарелки, и мой взгляд остановился прямо на дяде. Я открыла было рот, но... почувствовала ласковое прикосновение к руке. Мамино прикосновение. Она никогда не была особенно нежной, и ни одно ее движение нельзя было назвать изящным или спокойным, но этот сигнал был ясен как никогда: *молчи*.

Я прикусила язык, и свинина на тарелке превратилась в размытое пятно от обжигающих глаза слез.

Мама была права.

Если б дядя Себастиан выпроводил нас за дверь, нам некуда было бы идти. Осознание этой простой истины будто дало мне пощечину: никто нам не поможет. Наши жизни зависели от того, как хорошо мы будем угождать маминому брату и его мелочной глазастой жене, лившей яд ему в уши.

Я заставила себя съесть кусочек, но он прилип к иссохшему горлу, словно клей.

Лежа той ночью вместе с мамой в узкой постели, которую нам выделила тетя Фернанда, мы прижимались друг к другу – лоб ко лбу, и я плакала, пока не почувствовала, что ребра вот-вот треснут. Мама смахивала мокрые от пота волосы с моего лба и целовала горячие щеки.

– Ты должна быть сильной, – говорила она. – Нам нужно вынести это с достоинством.

С достоинством.

Она имела в виду, что нам нужно *молчать*.

Я не могла унаследовать собственность отца. Я не могла работать. Я не могла заботиться о маме, чье лицо все больше серело и чахло. Полагаясь лишь на доброту дяди и слабое расположение мерзкой тетки, у меня не было ровным счетом ничего. Я донашивала вещи за кузинами. Мне не разрешалось учиться или выходить в люди, иначе доброе имя Валенсуэлы потерпело бы непочтение со стороны других креолов⁸ и полуостровитян. Я была безголосой плотью, тенью, растворяющейся в стенах тесного дома.

А потом я встретила Родольфо.

В миг, когда он появился на балу в честь провозглашения Мексики республикой – его широкие плечи стали видны в дверном проеме, – бальную залу будто накрыло ощущением покоя. Все взгляды были направлены на него, гул затих. Родольфо выглядел внушительно. Надежно. Голос у него был властный, глубокий и бархатистый. Бронзовые волосы переливались в свете горящих свечей. Движения его были плавными и выверенными, в нем чувствовались уверенность и скрытая власть – будто он был божеством в своем святилище.

У меня перехватило дыхание – но не из-за его легкой, слегка кривой улыбки или робких, застенчивых манер, которые он проявил, пригласив меня на танец. Не из-за того, что молодость и положение вдовца придавали его образу в глазах Хосефы и ее болтливых подруг налет романтизма и трагичности. Дыхание перехватило из-за тишины, с которой все наблюдали за ним. Я жаждала этого. Мне хотелось сжать всю бальную залу в ладони и приказать им замолчать.

⁸ Креолы – потомки испанских переселенцев, прибывавших в Мексику с XVI века.

Если Родольфо и знал, какой силой обладает его очарование, он этого не показывал. Ох, конечно, он этого не показывал. Родольфо был военным, протеже Гуадалупе Виктории – одного из тех генералов, кто собрал Временное правительство и сверг императора, чтобы занять его место.

К тому моменту, как закончился наш первый танец, я поняла, что политик вроде Родольфо не сможет долго закрывать глаза на наследие моего отца. Если это не отпугнуло его, когда нас впервые представили друг другу и он услышал мою фамилию – Эрнандес Валенсуэла (сначала отцовская, потом матери), то это наверняка произошло бы позже.

В двадцать лет передо мной встали выбор и утекающее время: выйти замуж сейчас, пока я свежа, девственна и желанна, или не выходить замуж вовсе. Поэтому, когда стало ясно, что мой смех влечет Родольфо, как сироп из панели – пчел, а в моих глазах он видит яркий чьяпасский⁹ нефрит, я ухватилась за эту возможность.

Когда я объявила матери, что выхожу замуж за дону Родольфо Элихио Солорсано Ибарру, она спокойно положила на колени вышивку, которой занималась, но рот ее открылся от удивления. Месяцы, прошедшие после смерти отца, отразились на ней: бледная кожа теперь напоминала не изящный фарфор, а выцветшую, рассыпающуюся бумагу. Пурпурные тени залегли у нее под глазами, утерявшими всю живость. Точеные скулы, некогда выдававшие надменность, ввалились, истощились от усталости.

– Ты... *Солорсано*, – на выдохе произнесла она. – Он в свите Виктории...

Я сложила руки на груди. Да, он служил лидеру политической партии, которая свергла власть и предала моего отца.

– Если тебе хочется уйти из этого дома и больше никогда не штопать простыни тети Фернанды, он – наш единственный шанс. Разве ты не понимаешь? – вспыхнула я.

Мама вышла замуж по любви и сожгла за собой все мосты. У меня таких привилегий не было. Я не могла позволить себе ее идеализм, ведь Родольфо сделал мне предложение, и у меня появился шанс выбраться из дома тети Фернанды. Я могла обеспечить нам достойную жизнь. Имя Родольфо, его деньги, его земля – благодаря им у нас бы выросли крылья за спиной.

Мама прикрыла рот, вернула взгляд к своему рукоделию и больше не произнесла ни слова. Ни тогда, ни за все время подготовки к свадьбе.

Я не придавала значения тому, что мама не пришла на мою свадьбу. Я высоко держала голову в кружевной мантилье и делала вид, будто не слышу перешептываний о семье Родольфо. О его прошлых похождениях и загадочных заболеваниях – тетья Фернанда болтала об этом каждому человеку, готовому слушать; губы ее чавкали, словно ботинки, застрявшие в грязи, а заговорщический шепот напоминал скрежет длинных ногтей по шее.

Я слышала, его первую жену убили разбойники по дороге в Апан. Правда? А я слышала, что она умерла от тифа. Мне говорили, ее похитили повстанцы. Или, может, отравил повар?

Родольфо стал моим спасением. Я ухватилась за него, как утопающий хватается за корягу во время наводнения.

Надежность. Имя. Титул. Плечи, заслоняющие ослепительное небо Апана, будто горы, окружающие долину. И наконец, мозолистые, честные руки, что привели меня к воротам Сан-Исидро.

Он – безопасность. Он – правильное решение. Я приняла его, единственно верное, чтобы спастись от суровой участи, на которую нас обрекло убийство отца. Мне оставалось лишь молиться, что однажды мама увидит мое решение выйти замуж за Родольфо в том же свете, что и я: он был ключом к новой жизни.

⁹ Считается, что в области Чьяпас находятся самые крупные месторождения нефрита в Мексике.

4

К ужину мы с Родольфо и Хуаной перебрались в небольшую комнату у кухни, которую сейчас использовали в качестве столовой. Ее окна выходили на задний двор: отсюда была видна терраса, увенчанная колоннами и арками и ведущая в мертвый сад, – там обосновались поникшие райские птицы и черные кости, оставшиеся от цветочных клумб. На долину надвигались тяжелые тучи. Когда мы сели за стол, Палома, дочь Аны Луизы, закрыла ставни на окнах, чтобы дождь не попал внутрь. Учитывая, что нас было трое, эта комната казалась гораздо уютнее главной столовой, но уже достаточно скоро я об этом пожалела.

– Прошу, примите мои извинения за то, в каком состоянии находятся наши цветы, – сказал Родольфо, посмотрев на ставни, пока Палома, робея, отправилась в сторону кухни. – Хуана больше заботится об агаве, нежели о садах.

Хуана фыркнула. Удивившись, я подняла взгляд от тарелки. Какое бы сильное презрение я ни испытывала к своим кузинам и обитателям дома дяди Себастиана, я привыкла к их утонченным манерам – и саму меня воспитывали так же.

– Агава – выносливое растение, – сухо ответила Хуана. – Черта, достойная восхищения.

Взгляд Родольфо проскользил по столу и вперился в сестру; обычно голубые глаза его теперь были не сияющими, а ледяными.

– Красота тоже достойна восхищения. – Реплика хоть и была лукавой, но совершенно лишенной теплоты. – Этого, я полагаю, агаве недостает.

– Значит, ты плохо смотрел.

В резкости голоса Хуаны ясно читалось безразличие ко всему, что думает ее брат, – будь то агавы или что-либо еще.

Неудивительно, что Родольфо никогда не рассказывал мне о сестре. Воздух между ними искрился от напряжения.

– Сад чудесен, *querido*, – солгала я, пытаюсь изобразить в голосе живость, но в тесной комнате слова прозвучали глухо.

Родольфо бросил на меня косой взгляд, явно не поверив мне. Я накрыла его колено ладонью и стала поглаживать большим пальцем сквозь ткань брюк, пытаюсь снять напряжение.

– Мама немного обучила меня садоводству, когда мы жили в Куэрनावаке, – добавила я. – Дайте мне время, и к вашему приезду сад будет не узнать.

Через две недели Родольфо предстояло вернуться в столицу. Он сопровождал меня до Апана, чтобы защитить от разбойников, но занятие политикой не позволяло ему долго оставаться за городом. Временное правительство вот-вот должно было провести выборы президента, и, если верить корреспонденции Родольфо, в которую я украдкой заглядывала, именно его наставнику, Гуадалупе Виктории, предназначалось выиграть их.

Родольфо открыл было рот, чтобы ответить мне, но сестра его перебила.

– Нам не нужны сады, – грубо отрезала она, не удосужившись даже посмотреть на меня. Такое пренебрежение было сродни пощечине. – Нам нужно, чтобы Сан-Кристобаль прекратил вторгаться на наши земли.

– Здесь я решаю, что нам нужно, а что – нет! – рявкнул Родольфо. От резкой перемены его настроения по коже побежали мурашки. – Если донья Беатрис желает сад, она получит сад. Слово моей жены в этом доме закон, тебе понятно?

Если Хуане и было понятно, она этого не показала.

– Кланяюсь, – фальшиво и громко объявила она на всю комнату и швырнула салфетку на стол. Я застыла. Хуана резко встала со своего места и, бросив короткое «доброй ночи», ушла.

* * *

Если Родольфо и Хуана остыли после перепалки за те две недели, что он провел в Сан-Исидро, я этого не заметила. Признаться честно, я вообще не видела Хуану. Она как будто растворилась в бесконечных рядах агавы, заполонившей поля за домом, и стала эфемерной, словно призрак.

Хуана не присоединилась к нам с Родольфо, когда мы отправились в Апан на воскресную мессу. Это был мой первый визит в город, и мне впервые предстояло встретиться с другими землевладельцами и их женами.

Как только мы выехали за ворота асьенды, в воздухе будто что-то переменялось, и я с наслаждением откинулась на сиденье. Моя голова покоилась у Родольфо на плече и подскакивала с каждым движением экипажа. Он рассказывал о всех тех землевладельцах, с которыми хотел познакомить меня после мессы.

– Их взгляды на политику весьма устойчивы, но они были союзниками моего отца, а теперь станут и нашими. Если, конечно, лояльное отношение к Хуане – хоть какой-то показатель их терпения.

Он переложил мои руки в перчатках себе на колени и теперь держал их, рассеянно проводя пальцами по кружеву.

Даже с закрытыми глазами я представляла его кривоватую полуулыбку, с которой он произнес следующие слова:

– К тому же загородное общество, по сравнению со столичным, весьма узколобо.

Поездка до центра Апана заняла у нас час. По приезде Родольфо помог мне выбраться из экипажа, и меня поразило, насколько маленьким оказался город. Судя по словам Родольфо, его населяло около трех тысяч человек и еще около тысячи были разбросаны по близлежащим асьендам. Но что для меня, выросшей в столице и привыкшей к густоте толпы, эта цифра? Теперь мне это было отчетливо понятно. Город сам по себе – его главная площадь перед приходом, почта, казармы и всякого рода другие заведения – был таким маленьким, что мы могли бы объехать его весь минут за десять.

Вдоль всей дороги до церкви росли хилые кипарисы. Передний фасад здания был прост и отделан лишь резным камнем, а оштукатуренные стены были так сильно выбелены, что храм казался облаком на фоне яркого лазурного неба. На единственной башне зазвенел колокол, возвещающий о начале мессы.

Я выбрала наряд в скромных цветах – нежно-сером и зеленом, но, войдя в церковь, порадовалась, что отдала предпочтение именно им. Даже несмотря на то, что мое платье не отличалось особой затейливостью, оно было самого высокого качества и привлекало взгляды горожан, пока я шла за Родольфо по проходу. Мантилья нежно касалась моей щеки; я поклонилась и заняла место на специально отведенной для нас скамье у алтаря, рядом с другими землевладельцами.

В столице я едва ли была кем-то большим, чем еще одной дочерью еще одного генерала, здесь же я была доньей Беатрис Солорсано, женой одного из богатейших землевладельцев, – утонченной и загадочной женщиной. В тишине по скамьям позади нас побежали шепотки.

Я наслаждалась ими. Я схватила эту власть и прижала ее к груди, когда началась месса. Сан-Исидро совершенно не соответствовал тем ожиданиям, что сложились у меня, когда я выходила замуж за Родольфо. В отличие от ощущения власти. Таковой была моя новая жизнь. Таковой была моя победа.

Месса растянулась на целый час – все это время люди бормотали, зажигали благовония, вставали и садились. Мы все двигались, говорили и отвечали, как единое целое, после многих лет повторения эти движения были встроены в нас, будто ритм колыбельной. Я всегда находила

латинские обряды в лучшем случае скучными, и теперь, имея в поле зрения землевладельцев, они занимали еще меньше моего внимания. Вместо того чтобы смотреть на седовласого упитанного священника и его похожего на ворона метиса-помощника, стоявшего за алтарем, мой взгляд порхал по рядам, подобно колибри. Кто из этих незнакомцев станет мне другом? Кто окажется врагом?

Когда месса закончилась, Родольфо приступил к представлениям: Северо Пинья-и-Куэвас со своей женой Энкарнасьон – из асьенды Окотопек, братья Муньос из асьенды Алькантарилья и почтенный Атенохенес Морено с женой Марией Хосе – из Сан-Антонио Ометуско. Во всех этих асьендах производился пенья и, судя по роскошным шелкам на женщинах и фасонам их нарядов по последней моде полуострова, все они пережили одиннадцать лет гражданской войны так же удачно, как семья Родольфо.

– Как хорошо, что сестра вашего мужа больше не будет в одиночестве, – произнесла вдруг донья Мария Хосе, аккуратно взяв мою руку и положив поверх своей. Мы шли к выходу из храма вслед за ее мужем Атенохенесом и Родольфо. Волосы Марии Хосе блестели серебром под мантилей, спина была слегка сторблена от возраста. – Некоторые вдовы самостоятельно управляют асьендами, это правда. Нужно представить вас вдове старика Эрреры. Она раньше тоже жила в столице, но вот уже почти десять лет управляет асьендой Буэнависта. Но донья Хуана... она вызывает некий интерес. Тем не менее я рада, что теперь у нее есть вы в качестве такого изысканного примера.

Она отстраненно хлопнула меня по руке – проявив ласку, как это могла бы сделать бабушка, но в мягком голосе улавливалось предупреждение. Я сохранила прежнее выражение лица, отложив только что полученную информацию в дальний ящик. Возможно, землевладельцы были не так уж лояльны к Хуане, как думал Родольфо.

Донья Мария Хосе подняла слезящиеся глаза, пытаясь разглядеть меня сквозь свою мантилью.

– Вы почти так же прелестны, как донья Мария Каталина, только чуть темнее. Возможно, вы будете переносить загородные условия лучше нее. Бедняжка. Такая нежная конституция.

Меня будто окатили ледяной водой. Первая жена Родольфо... И как я не подумала, что о ней будут говорить.

Я изобразила на лице озабоченность и кивнула в знак согласия. Впервые я встретила человека, который действительно знал первую жену Родольфо, а не просто передавал очередные гадкие сплетни о ней. Стоило расспросить Марию Хосе о преждевременной кончине первой доньи Солорсано...

Но сама идея была мне отвратительна. Не такая прелестная, темнее ли, светлее – теперь я была доньей Солорсано. Родольфо и все, что ему принадлежало, было моим. Я честно выиграла эту битву.

Отвращение зудело у меня под кожей, когда я наблюдала за доньей Марией Хосе. Женщины вроде нее любили раздавать советы молодым женам, поэтому я увела разговор в сторону от мертвых женщин и цвета лица и стала задавать донье пустяковые вопросы о браке. В ответ на ее реплики кивала и улыбалась – тогда, когда требовалось. Но мысли мои были далеко.

Она вызывает некий... интерес.

Интерес всегда приводил к сплетням, а сплетни, будь они злонамеренные или нет, всегда откуда-то происходили. Может, поводом для разговоров послужило безразличное отношение Хуаны к своему внешнему виду. Может, дело было в ее грубости. Она решительно не вызывала у своих знакомых той же симпатии, что ее почившая невестка.

Эти мысли преследовали меня весь вечер, закручиваясь в голове, словно пряди, которые я при свете свечи вплетала в косу, сидя на стуле у трюмо. Я не рассказала Родольфо о разговоре с доньей Марией Хосе, хотя вопросы разрастались в груди сорняками и их корни прочно укоренялись в ребрах.

Я все еще не могла расспрашивать его о многих вещах. Наша новообетенная близость была неравномерна: я помнила запах, исходящий от его теплого горла, я знала ритм его дыхания во сне, но я даже не догадывалась, что за мысли скрывались у него в голове. Между нами тянулось неизведанное молчание, долгое и полное тайн. Чего Родольфо боялся? Зачем скрывал от меня Хуану? Если он так любил Сан-Исидро, то почему избегал его столькие годы?

У меня было так много вопросов... Но я прикусила язык и обернулась. Родольфо, лежащий в постели, завернулся в белые простыни, и дыхание его стало глубже; локон бронзовых волос упал ему на лоб и прямой, заостренный нос. Спящий принц под воздушным саваном.

Но каким бы красивым он ни был, я не испытывала к Родольфо никаких чувств, когда принимала его предложение. Хотя он и привлек меня сладостными похвалами моих *чудных качеств* – силы, доброй улыбки, смеха и глаз, – я не верила, что он взял меня в жены за то, каким я была человеком. Возможно, внешность убедила его не обращать внимания на прошлые дела моего отца; в конце концов, на тот момент я лишь недавно вошла в общество в столице, и я знала, что красива. Две эти вещи делали меня заманчивой загадкой для мужчин, любящих завоевывать женщин.

Но ведь и я тоже притворялась, что не слышу шелеста слухов о том, почему Родольфо стал вдовцом. Он хотел себе жену, которая не будет задавать лишних вопросов. Я поставила все на его секреты. Наши отношения строились на одной-единственной истине: мой мир был темной комнатой без окон, а он стал для меня проводником наружу.

Я вновь повернулась к зеркалу и продолжила заплетать волосы. В груди медленно нарастала боль – сильная, сладкая боль, острая, как разбитое стекло. Я скучала по маме. Я скучала по папе. Я скучала по старой себе – той, которая еще ничего не потеряла; той, которая наблюдала за родителями, что дразнили друг друга и смеялись; той, которая вечерами читая у камина, смотрела, как они держатся за руки или перешептываются за неплотно закрытой дверью.

Когда-то мне тоже хотелось иметь то, что было у них. Я жаждала этого. Хотела чувствовать то же, что и мама, когда папа целовал ее в лоб, проводил пальцем по щеке и уходил в бой. Жаждала того же чувства, из-за которого мама сидела у окна, беспокойная и неспособная успокоиться, каждый раз, когда папа должен был вот-вот вернуться. Того же, что заставляло их видеть друг друга такими, какие они есть, – не взирая на классы или касты.

Родители боролись за то, чтобы пожениться, несмотря на различия, несмотря на предубеждения маминой семьи, – потому что им было за что бороться. Этого я хотела. Человека, который будет видеть во мне не просто женщину с цветом кожи темнее, чем у кого-то, или не такую прелестную, как кто-то еще. Не чью-то дочь. Не пешку, которую используют для крупной игры. Я хотела человека, который видел бы во мне *меня* и ценил это.

И что я получила?

Незнакомца, чьи губы оставляли лишь холод и чьи тяжелые касания в темноте не пробуждали во мне желания. Вопросы без ответов, все больше занимающие мысли. Письма маме – отправленные и оставшиеся без ответа. Дом без семьи. Пустоту в грудной клетке, зияющую, когтистую и растущую – как бы я ни пыталась ее подавить.

Я прикусила губу, по телу пробежала дрожь. Да, я взяла имя Солорсано, едва зная человека, которому оно принадлежало. Да, я вышла замуж за мужчину, который встал между мной и мамой, мужчину, которого я не любила.

Я пожертвовала своей мечтой ради выживания, потому что это было важнее одиночества.

А теперь у меня была крыша над головой. Асьенда на мое имя. Доход от земли, прочно укоренившийся и защищающий меня от штормов войны и чумы.

Будущее.

Я была благодарна Родольфо за то, что он вытащил меня из пучины неизвестности и спас от бедности. Наверное, в хорошие дни я даже чувствовала к нему какое-то подобие нежности – за то, что изменил мою жизнь. Быть может, однажды я даже научусь любить его за это.

Вдруг в зеркале что-то промелькнуло, и это привлекло мое внимание. Из темного угла около окна на меня таращились два красных огонька.

Я моргнула, и они исчезли. Волоски на шее встали дыбом. По всему телу разлилось вязкое ощущение.

За мной наблюдали.

Я резко обернулась, пытаюсь всмотреться в темноту широко раскрытыми глазами. Бледный свет затухающей свечи едва доходил до ножек кровати. Черные тени заполнили пространство, сгущаясь около стен.

В комнате был только спящий Родольфо. Ничего больше. Я глубоко вдохнула и отрывисто выдохнула, чтобы очистить голову. Я просто устала после поездки в город и встречи со столькими людьми. Меня захлестнули мысли о том, какую колоссальную работу придется проделать, чтобы привести дом в порядок. Я сама выдумала эти красные огни. Чувство, что за мной кто-то наблюдает, всего лишь у меня в голове. Или так, или это просто-напросто один из котов, про которых упоминала Хуана, когда я только приехала в Сан-Исидро.

Да, наверняка это кот.

Разум удовлетворился этим объяснением, и я, повернувшись обратно к трюмо, задула свечу. Сквозь вязкую темноту я на ощупь пробралась к кровати и скользнула под одеяло, позволяя себе приникнуть к теплему телу Родольфо, как моль к лампе. Он вздрогнул, почувствовав мои холодные ступни, и сонно перевернулся, прижимаясь ближе. Покой его сна и сама его надежность взяли верх. Я закрыла глаза.

Вес тела Родольфо на матрасе ощущался совсем не так, как мамин, когда мы делили постель в доме тети Фернанды. Как бы благодарна я ни была, я позволила себе поразмышлять о том, что с его отъездом в столицу, впервые за многие-многие месяцы, вся постель будет принадлежать мне. И не только. У меня будет собственный дом.

Мой собственный мир.

Я стала перебирать, какими цветами хочу выкрасить комнаты на первом этаже, и мысли замедлили ход – сон медленно пробирался в сознание.

Лишь много позже ко мне, покачивающейся на грани мрачных снов, закралось осознание, что с самого приезда в Сан-Исидро я ни разу не видела здесь кота.

5 Андрес

Апан
Декабрь 1820
Тремя годами ранее

Я проезжал по сельской местности Тулансинго, и долина Апан настигла меня, словно летние сумерки: горько-сладкое чувство, что я почти дома, поначалу было мягким, дразнящим ощущением на задворках сознания, но позже все же охватило меня – стремительно и полностью. В нескольких километрах от города я сообщил своим компаньонам, что у мула в копыте застрял камень, попросил ехать без меня и обещал догнать, как только смогу. Я спешился.

Все семь лет обучения в Гвадалахарской семинарии Святая инквизиция маячила у меня за спиной, будто готовый погребальный саван, – всегда настороже, липким дыханием опалая шею. С шестнадцати лет и до самого рукоположения я подавлял свои чувства, утопая в латыни, философии и послушании. Я молился до хрипоты в голосе. Я носил власяницу, когда было сказано, что она очистит меня. Я сворачивал самые темные части своей души и складывал их, искаженные, в самый дальний ящик, который никогда не отпирал.

Но когда ноги коснулись земли родной долины, ось заметно пошатнулась под ними. Обдуваемая ветрами зимняя местность и низкое серое небо обратили на меня свои сонные взгляды. Они увидели, узнали и медленно одобрительно закивали, эти античные гиганты. Я всмотрелся в низкие, темные холмы, которые, словно костяшки пальцев, огибали долину. Впервые за семь лет я почувствовал духов, что гудели в этом маленьком уголке, созданном природой, даже когда имена их были забыты.

Понимание, что долина чувствует мое присутствие, накрыло меня оглушительной волной, и, одетый в сарапе¹⁰ не по размеру, я задрожал. Годами я скрывался за толстыми стенами и был в одиночестве, ведь мой секрет отделял меня от других студентов семинарии. Страх разоблачения управлял каждой моей мыслью и каждым шагом; я скрывался так долго, что жил на грани удушения.

Теперь же меня видели.

Теперь то, чего я боялся больше всего, разрасталось тенью у меня в груди: здесь, вдали от глаз Инквизиции, те части моей души, что я упрятал в шкатулку, стали выбираться – тихие и пытливые клубки дыма, проверять замок и петли на прочность.

Я заставил их утихнуть.

Передай ему, что я молюсь о его возвращении в Сан-Исидро. Птицы молятся о его возвращении в Сан-Исидро.

Молитвы бабушки были услышаны. Я почти был дома. Но что станет со мной теперь?

* * *

Сразу после прибытия меня поглотили приготовления к празднику Девы Марии Гваделупской. У падре Гильермо и падре Висенте было свое видение шествия с Девой Марией и святым Хуаном Диего¹¹ по улицам Апана, и они ясно обозначили мое место: мне предполагалось нести статую Девы Марии и святого у ее ног вместе с другими мужчинами из города. Падре

¹⁰ Сарапе – традиционная мужская одежда в Мексике, похожая на пончо.

¹¹ Хуан Диего Куаухтлатоатцин – святой Римско-католической церкви, которому явилась Дева Мария.

Гильермо для этой задачи был слишком стар, как сказал падре Висенте, а он... он, конечно же, возглавит шествие, как это я мог не догадаться.

Подобному месту я был обязан своим статусом – молодой курат, священник *sin destino*¹², без прихода и надежды на продвижение в городе. В глазах падре Висенте только такое место и подходило священнику-метису. Он был прав. Больше, чем подозревал.

Даже если б я был человеком амбиций и стал священнослужителем, чтобы связать свою жизнь с деньгами и удобствами, как многие из тех, кого я встретил в семинарии, я бы все равно не смог изменить свою сущность.

Я был знаком с падре Гильермо еще до того, как отправился в Гвадалахару. Как часто он находил меня, спящего мальчишку, под скамьями в храме и на рассвете относил к матери, пока я сворачивался у него на руках, будто сонный котенок... Если Гильермо и знал причину, по которой я сбегал из дома посреди ночи, чтобы найти покой в храме Божьем, он никогда об этом не упоминал. Именно Гильермо написал в Гвадалахару и поспособствовал моему переводу в маленький приход в Апане, а когда я прибыл, пыльный и измученный после нескольких недель в пути, именно он радушно меня встретил. Гильермо, при всей его суетливости, помпезности и желании угождать богатым землевладельцам, которые давали деньги на содержание храма, был человеком, которому я мог доверять. Но столькие вещи были ему неведомы...

Висенте же был новичком, пришедшим на смену падре Алехандро, за которым уже долгие годы присматривала Смерть. С того самого момента, как я встретился с ясным соколиным взглядом Висенте, во мне зародился страх. Ему нельзя было доверять – ни мысли, ни секреты, ни страдания моих людей.

Священники покинули храм через заднюю дверь, чтобы начать шествие, а я занял место рядом с тремя горожанами, выбранными, чтобы нести Деву. То были пожилой работник почты, седой пекарь и его худошавый сын, которому на вид было не больше двенадцати лет. В городе не осталось ни одной семьи, которую бы не затронули девять лет мятежей. Каждый горожанин, каждый землевладелец и каждый деревенский житель потерял сына или племянника в расцвете сил.

Потерял если не в битвах, которые охватили всю сельскую местность и окропили ее кровью, то из-за туберкулеза, гангрены или тифа.

Я встал на свое место и поднял носилки с Девой Марией на левое плечо.

Мы никак не могли найти баланс; ростом я был выше пекаря, поэтому приходилось нагибаться, чтобы держать Деву на одном уровне с остальными.

– Все в порядке, падре Андрес?

Я оглянулся через плечо и утвердительно хмыкнул сыну пекаря. За ним виднелся низкий каменный забор кладбища. Я быстро отвернулся.

Большая часть моей семьи ныне была под землей, а не на ней. Но я не отдал дань уважения тем, кто покоился на кладбище за приходом Апана. Моих братьев здесь не было: Антонио с Ильдо погибли в битвах за Веракрус и Гвадалахару – один лишь Господь знал, где они похоронены. Третий брат, Диего, в прошлом году пропал где-то в Тулансинго. Я знал, что он жив и его удерживают, но ни одно из отчаянных писем, отправленных всем повстанцам, кого я знал, не привело меня к нему.

Бабушки тоже здесь не было. Ее похоронили у дома – в поселении асьенды Сан-Исидро. Я жалел, что мама была не рядом с ней, не в том месте, где родилась и которое считала своим домом, не на земле, где прожило семь поколений ее семьи. Нет, мама была на кладбище позади меня. Скоро я к ней приду. Но не сейчас. Пока нет.

По команде падре Висенте мы обошли церковь и стали двигаться в сторону главной площади. Весь Апан составляли четыре большие улицы и переплетение переулков; серый и тихий

¹² Нераспределенный, без судьбы (*исп.*).

в обычные дни, сегодня, в праздник Девы Марии, город едва ли не трещал по швам. Люди из асьенд съехались сюда на мессу и шествие. Все они надели свои лучшие праздничные наряды, на мужчинах были накрахмаленные рубашки, на платьях женщин – яркие вышивки. Но чем дальше мы продвигались, миновав падре Висенте и падре Гильермо, тем виднее становились заплатки и выцветшие одежды жителей. Тем больше я видел исхудавших лиц и босых ног – хотя была середина зимы. Война не оставила после себя ни куска нетронутой сельской земли, и самые глубокие раны она нанесла тем, у кого и так ничего не было.

Но каждый раз, поднимая взгляд, я видел яркие, как осеннее небо, глаза. Они горели любопытством и смотрели не на Деву Марию и не на упоенного Хуана Диего, а на меня. И я знал, что они видели.

Не сына Эстебана Вильялобоса, который когда-то служил старому Солорсано из асьенды Сан-Исидро, а потом стал помощником каудильо – местного военного офицера, чьей работой было поддерживать порядок в Апане и близлежащих асьендах. Не сына местного разбойника и пьянчуги, который семь лет назад вернулся в Испанию.

И не недавно рукоположенного падре Хуана Андреса Вильялобоса – курата из Гвадалахары, который каждый день молился перед ретабло, сверкающим золотом, какого жители никогда в своей жизни не встречали.

Они видели мою бабушку – Александру Перес. Мою *sijtli*¹³, мою Тити – как звали ее внуки и добрая половина жителей поселения. Вряд ли они находили во мне отражение ее черт, ведь во мне было больше от отца-испанца, чем от матери.

Нет. Я знал, что они чувствуют присутствие Тити. Возможно, даже чувствуют, как из-под ног уходит земля и как обращают на меня свой взор небеса. *Вот*, говорят они. *Вот он. Воззрите.*

И жители не ослушались. Они лишь делали вид, будто Дева Мария привлекает их внимание, и крестились, когда падре Висенте благословлял их качающимся золотым кадиллом, но на самом деле наблюдали за мной – шествующим под деревянными коленями статуй. Я смотрел на пыльную дорогу перед собой.

Обитатели Сан-Исидро сбились в небольшую кучку в самом конце шествия, перед храмом. Я поднял голову и обнаружил среди них свою кузину Палому – она стояла вместе с девочками, своими ровесницами. Палома переминалась с ноги на ногу в нетерпении и вертела головой, оглядывая шествие. Стоило нашим взглядам найти друг друга, улыбка озарила ее лицо, будто молния. Я едва не упал, как Иисус по пути на Голгофу, – от удивления, что встретил кого-то знакомого спустя столько лет. Да, я вернулся в Апан, но только сейчас, увидев Палому, я почувствовал себя *дома*.

Сегодня здесь присутствовали люди с асьенды, которых я знал всю свою жизнь: моя тетья и мама Паломы Ана Луиза и старый рабочий Мендоса, заменивший моего отца в свете его прегрешений. За мной пристально наблюдали несколько пар черных глаз, принимая меня – впервые за последние семь лет, признавая своим человеком.

Я знал, чего они ждут: что я займу место Тити.

Но разве это было возможно? Я стал священником. Я пошел по пути, намеченному мне Тити и мамой: я не пал жертвой за десять лет войны – ни от гангрены, ни от штыка гачупина¹⁴. Я отвлек от себя внимание Инквизиции и стал человеком церкви.

Они научат тебя тому, что мне неизвестно, говорила Тити много лет назад, провожая меня в путь до семинарии. *К тому же* – в глазах ее сверкал лукавый блеск, а ладонь хлопала

¹³ Бабушка (язык *науатль*).

¹⁴ Гачупины – так называются в Мексике родившиеся в Европе белые, в отличие от родившихся в Мексике потомков белых (креолов).

меня по груди, прямо по тому месту, где жила и клубилась вокруг сердца тьма, – *разве там у тебя не выйдет укрыться?*

Люди Сан-Исидро нуждались в чем-то большем, чем в очередном священнике. Им нужна была моя бабушка. Так же, как и мне. Мне не доставало запаха соснового мыла, что всегда исходил от нее, мягких на ощупь ладоней, покрытых венами, и бугристых пальцев и запястий, которыми она собирала белые волосы в косу или измельчала в ступке травы, чтобы излечить боль одного из членов семьи.

Мне не доставало озорного огонька в ее глазах, который унаследовала моя мама, Люцero, а мне оставалось об этом лишь мечтать. Иногда мне не доставало даже ее невыносимо таинственных советов. Я хотел, чтобы бабушка показала мне, как быть и священником, и ее наследником, как заботиться о ее пастве и спокойно отводить испепеляющие подозрения падре Висенте. Но бабушки уже не было в живых.

Я закрыл глаза. Шествие остановилось у парадного входа в церковь.

Прошу. Молитва моя была обращена к небесам, к Господу и к духам, что почивали в недрах холмов, окольцовывавших долину. Я больше не знал, кому молиться. *Укажите мне путь.*

Открыв глаза, я увидел, как падре Висенте пожимает руки и благословляет нескольких землевладельцев. В своих шелках и изящных шляпах, ярко выделяющихся на фоне толпы, они напоминали павлинов, бродящих по городу во время голода. Старые хозяева асьенд Око-топек и Алькантирилы снимали шляпы, кланяясь падре Висенте, а их светловолосые жены и дочери сжимали руки священника в своих, облаченных в перчатки. Разрушительные последствия войны не обошли даже землевладельцев. Их сыновья отправились сражаться за гачупинов, за испанцев, и в деревнях остались только старики да мальчишки, которым предстояло защищать имения от повстанцев.

У единственного молодого человека в их компании были светло-каштановые волосы и пронизывающие голубые глаза; его лицо, подобное святому, напоминало вырезанную и расписанную для позолоченного ретабло статую. Он стоял поодаль от остальных и встретил бурное приветствие падре Гильермо расчетливой полуулыбкой. Мне потребовалось всего мгновение, чтобы понять, почему его лицо кажется мне таким знакомым.

– Дон Родольфо! – крикнул падре Гильермо.

То был не кто иной, как сын старого Солорсано. Предположительно, он стал хозяином асьенды Сан-Исидро. В детстве я наблюдал за ним, но лишь издали; хотя деревенские дети иногда играли с ним, вместе вылавливая лягушек в ручье за домом.

Теперь же он разительно отличался от местных жителей: одежда его была сшита на заказ и точно сидела по фигуре. Под руку с ним стояла женщина, из креолов, и он представил ее падре Гильермо как донью Марию Каталину, свою жену.

По словам дона, он привез ее из столицы, чтобы уберечь от тифа. В ближайшем будущем донья будет жить с его сестрой в асьенде Сан-Исидро.

– Значит ли это, что в скором времени вы возвращаетесь в столицу, дон Родольфо? – спросил у него падре Гильермо.

– Все верно, – Родольфо обернулся через плечо, обвел взглядом землевладельцев и, наклонившись ближе к Гильермо, произнес низким голосом: – Все быстро меняется, и столица в опасности.

Он понизил голос еще сильнее; обычный человек не смог бы услышать его дальнейшие слова из-за шумной толпы, но бабушка оставила мне много даров. Например, слух, давно привыкший разбирать переменчивые настроения полей и небес и бывший острым, как у койота.

– Присматривайте за доньей Каталиной, падре, – попросил Родольфо. – Понимаете ли... Мои политические взгляды не совпадают с таковыми у друзей отца.

– Царствие ему небесное, – пробормотал падре Гильермо; в его тоне и медленном кивке головой я прочитал согласие.

От любопытства я наострил уши, пытаюсь при этом сохранять беспристрастное лицо, как у святого. Иметь взгляды, отличные от взглядов консервативных креолов-землевладельцев – тех, кто хотел сохранить богатство и монархию, значило лишь одно: Родольфо были не безразличны идеи повстанцев и независимости. Для сыновей землевладельцев поменять ход игры и встать на сторону повстанцев было не редким явлением, но я не ожидал подобного от сына старого, жестокого Солорсано. Быть может, Родольфо отличался от других креолов. Быть может, после смерти старика Солорсано под надзором его наследника народ Сан-Исидро познает меньше страданий.

Я принялся рассматривать женщину рядом с Родольфо. Она будто только сошла с картины: аккуратное, заостренное личико венчали бледные, словно кукурузный шелк, волосы. Глаза ее были как у лани – темные и широко посаженные; взгляд их метнулся в мою сторону и проскользнул мимо – мимо горожан, будто не замечая никого вокруг, и остановился на падре Гильермо.

Ох. Так это были те самые глаза, которые не видели никого, кроме полуостровитян и креолов. Таких среди землевладельцев и их семей было предостаточно. И как могла женщина вроде нее выжить без своей родни – одна, за городом, в огромном доме посреди асьенды Сан-Исидро?

Она выглядела так, словно была сотворена из дорогого белого сахара, который я видел только в Гвадалахаре. Эфемерная, будто видение, бледное и переливающееся на берегу реки. Я видел женщин, подобных ей, в Гвадалахаре – праведных, богатых, с руками мягкими, как весенняя шерстка ягненка, неспособными к какой-либо работе. Такие не протянут долго за городом.

Мне стало любопытно, приведут ли перемены, о которых упомянул дон Родольфо, к окончанию войны. Но когда бы это ни произошло, я был уверен: к тому времени его сахарная жена сбежит в столицу, даже если будет буйствовать тиф.

Как же сильно я ошибался.

6 Беатрис

Настоящее время

Одним утром после завтрака Родольфо оседлал свою лошадь и приготовился прощаться со мной. Мы стояли у ворот Сан-Исидро, он обхватил мой подбородок рукой и взглядом изучал лицо.

– Вы уверены? – Это был третий по счету раз, когда Родольфо спрашивал, все ли со мной будет в порядке в Сан-Исидро.

Той ночью я крепко спала и, проснувшись раньше него, долго рассматривала паутину, висящую на балках из никарагуанского кедра. В воздухе этого дома витало слишком многое...

Возможно, причиной тому были те поколения, что жили здесь до меня и спали под этими самыми балками. Дом принадлежал всем им. Как и мне сейчас.

– Конечно, querido, – ответила я. – Мне нужно обустроиться и привести дом в подобающий вид для мамы. Вы ведь знаете, как она относится к чистоте.

Родольфо этого не знал. Но улыбка его доказывала обратное. Политик и актер – даже для собственной жены. Я сделала паузу, тщательно раздумывая, что сказать дальше, но решила не осторожничать:

– Пообещайте, что передадите ей мои письма. И сделаете это лично, если удастся выкроить время.

Мама ненавидела все, чем занимался Родольфо. Она не одобрит его присутствия – и уж точно, если он доставит письма от меня, ее предательницы-дочки. Но мне стоило хотя бы попробовать, даже если все предыдущие письма остались без ответа.

– Разумеется. – Родольфо поцеловал меня – то было быстрое, невинное касание губ. Его кожа пахла цитрусовым средством после бритья. – Без раздумий пишите мне, если вам что-нибудь понадобится. Любая ваша прихоть.

После этого Родольфо сел на гнедую кобылу и забрал на юг. Я дождалась, пока его темная шляпа станет пятном на горизонте, и вернулась к дому через двор. Утреннее солнце уже пекло голову сквозь шляпу. Теперь, так как Родольфо уехал, я могла выполнить одно важное дело, и оно не требовало отлагательств.

Оказавшись в доме, я взбежала по лестнице. Господские покои составляли четыре комнаты: первая представляла своего рода гостиную, в которой практически не было мебели, зато стояли сундуки с моей одеждой, привезенной из столицы. Единственные окна были слишком узкими и находились слишком высоко, отчего мне не нравились; они были не застекленные и закрывались старыми ставнями из кедра. *Так обычно строят дома за городом*, объяснил Родольфо. Я знала, что будет трудно привыкнуть к такому после многих лет, проведенных за шитьем у больших стеклянных окон в маминой комнате, в нашем доме в столице.

Следующая комната была чем-то вроде кабинета. Родольфо оставил там несколько книг, пригодившихся ему самому во время учебы: труды на военную тематику, Библию, «Республику» Платона. Дверь по левую сторону вела в спальню, а за спальней следовала комната для мытья.

Я опустилась на колени у сундуков. Замок щелкнул, и я подняла тяжелую крышку. Поверх постельного белья, исподнего и чулок лежал небольшой квадрат сложенной бумаги. Я достала его, поднесла к носу и сделала глубокий вдох. В запахе бумаги я почувствовала папу. Это была его карта – частичка дома, которую я успела умыкнуть, когда сбегала. Я отнесла карту и горстку булавок для вышивания в кабинет Родольфо и закрепила все это на стене над письменным столом. Да, комната все еще была слишком пыльной, темной и откровенно нуждалась

в проветривании. Но теперь здесь чувствовалось папино присутствие. Аккуратные крестики, поставленные им красными чернилами, следы от угольного карандаша, которым он помечал движение армии. Теперь этот уголок напоминал мне дом, и я не хотела останавливаться, пока то же самое не произойдет с остальными его частями.

* * *

В ожидании новой мебели из столицы я решила заняться садом. Я потуже завязала шнурки на шляпе, достала из сундука пару перчаток и отправилась в сторону террасы. Пока Родольфо был дома, мне приходилось бороться с собой и с каждым порывом самостоятельно вычистить весь дом. Родольфо до сих пор не знал, как огрубели мои руки во время работы в доме тети Фернанды, и я намеревалась оставить это в секрете.

Я прошла по прохладным коридорам и вошла в комнату, откуда крупные двойные двери из кедра вели на террасу. Я распахнула их и глубоко вдохнула запах свежего утра.

Обычно меня возмущала каждая мозоль, заработанная при выполнении заданий тети Фернанды, и каждый порез, случайно полученный на кухне. Но сейчас... Этот сад принадлежал мне, и мне же предстояло его оживить – и, хотя он был увядшим и тусклым, во мне росла страстная привязанность. Я подготовлю его к приезду мамы. Я даже представляла, как она стоит рядом со мной на этой террасе, а ее зеленые глаза рассматривают яркое лазурное небо.

Раннее детство я провела на асьенде в Куэрनावаке, на большой сахарной плантации, с неохватной папиной семьей, Эрнандесами. Теми, в ком течет чуть меньше андалузской крови – так папа описывал темный цвет своей кожи и густые черные волосы.

В покрытом лозой каменном особняке, лениво раскинувшемся среди пальмовых деревьев и двухсотлетних фонтанов, обитали папины кузены. Мы же жили в доме чуть поменьше, поодаль от всей семьи. Несмотря на то что тетя – матриарх асьенды – любила папу, лишь она одна приняла его выбор присоединиться к повстанцам и восстать против Испании. Наш домик раньше принадлежал то ли рабочему, то ли садовнику, который давно умер, и теперь с особняком его соединяли арки, увитые густой виноградной лозой, пышную зелень которой подчеркивала бугенвиллея.

Мама никогда не возражала против этого. Ей нравилось, что буйно растущие сады всегда как будто грозились завладеть домами в асьенде и завлечь их в свои изумрудные объятия. Она умела найти подход ко всему живому и зеленому, и у нее это удивительно хорошо получалось. Каждый раз, когда папа отправлялся на сражения, мама в своей широкополой шляпе проводила часы, гуляя с главным садовником и обсуждая полив и подрезку растений.

Сухой воздух и мертвая трава на лужайке передо мной вряд ли бы сравнились с роскошью, которая досталась маме в Куэрनावаке, но я не сомневалась, что она сотворила бы чудо и с садами Сан-Исидро.

Длинные травинки перешептывались и сплетничали, будто тетушки, пока я шла по саду к каменному ограждению. К нему была прислонена высокая деревянная лестница; нижние перекладины раскололись и потрескались, но я ступила на пару следующих, и они выдержали мой вес. Я забиралась вверх, пока не достала до выложенных в ряд кирпичей, щербатых от старости.

Сан-Исидро построили на холмах к северо-западу от города. Сезон дождей только подошел к концу; зелень, простиравшаяся от подножия холмов до городских окраин, казалась мне такой же мягкой, как один из маминых ковров. Цвета этой местности были коричневатее и землянистее ярких мазков Куэрнаваки, их разбавляли лишь белые точки овец и ровные ряды агавы. И где-то там, в отдалении, на поле виднелись темные очертания тлачикеро, размахивающих мачете и продирающихся сквозь агаву.

Время от времени тишину прорезали мужские голоса: то возглас удивления, то смех, пока они сливали агуамиэль – медовый сироп, который добывался из сердцевины агавы и после брожения становился пульке.

Я сощурилась от восходящего солнца. Среди мужчин мелькнул женский силуэт. Я узнала в нем Хуану – по решительным движениям, взмаху юбки и широкополой шляпе.

Возможно, я и пойму ее яростную преданность асьенде.

Для Родольфо Сан-Исидро был источником надежного дохода в то время, как власть переходила от Испании к Мексике, от императора к республике. Асьенда была для него божьей благодатью. Что же касается Хуаны... Деньги, которые асьенда приносила ее семье, подарили ей свободу. Она спокойно жила, не будучи замужем, – завидная привилегия как в мирное, так и в военное время. Насколько мне было известно, Хуана провела в асьенде всю свою жизнь. Так почему же тогда, во время ужина с Родольфо, она так резко воспротивилась моему желанию улучшить сад? Неужели мои попытки оживить увядающие земли были ей так отвратительны?

Хуана, Хуана.

Позади меня раздался голос. Такой слабый, что это вполне мог быть ветер, колышущий траву. Я оглянулась через плечо и посмотрела на дом. Крыша из красной черепицы казалась слишком тяжелой для его стен. Расположение на пологом склоне придавало ему приземистый вид. Крылья, теснившиеся и налегающие друг на друга под всеми углами, будто чьи-то плечи, напоминали кривые зубы во рту.

И тут вдруг переключилась, на которой я стояла, с треском разломилась.

Из легких вырвался скорее выдох, чем крик, и я полетела вниз, но успела ухватиться обеими руками за ограждение. Я задела лицом штукатурку и зашипела.

Madre de Dios¹⁵.

Я так и продолжала висеть на ограждении, пока сердце бешено колотилось. Все будет в порядке. Падение с такой высоты никак мне не навредит. Ограждение по высоте было примерно таким же, как Родольфо, – то есть не таким высоким. Я приготовилась и отпустила руки. Приземлившись, я выпрямилась. Ветер ужалил меня за щеку – должно быть, после столкновения со стеной там осталась ссадина.

– Добрый день, донья Беатрис.

Я обернулась. В дверном проеме стояла Ана Луиза – седовласая, одетая в белую блузу и светло-голубую юбку по местной моде.

– Что вы здесь делаете?

– Осматриваю территории, – ответила я, гордо подняв подбородок, и принялась разглаживать складки на юбке. Я надеялась, что Ана Луиза не видела, как я упала и поставила ссадину на щеке. – Почему сад в таком состоянии? – добавила я, надеясь, отвлечь домоправительницу от моего встревоженного состояния.

– Я не обращала на это внимания, донья Беатрис, – отрезала Ана Луиза. Тон ее голоса был суше, чем коричневая трава, хрустящая под ногами. Подойдя ближе, я почувствовала сильный запах благовоний, исходящий от ее одежды.

– Я не бывала в этом саду месяцами. С тех самых пор... – Взгляд ее вдруг сделался отрешенным, и я была уверена, что она придумывает, как закончить предложение. – С последнего раза, как хозяин приезжал домой. Мы в основном остаемся в своих комнатах или хлопочем по кухне, а донья Хуана не желает находиться здесь одна.

Занимая должность главной домоправительницы, Ана Луиза пользовалась большим уважением среди тех, кто работал на асьенде. Важнее ее был только Хосе Мендоса. Проработав вместе со слугами тети Фернанды, я знала, что такое положение в иерархии дома, вкупе с доверием сеньоры, означали независимость.

¹⁵ Матерь Божья! (исп.).

Свободу. Я познала ее, и для меня вкус этот был таким же острым, какой бывает зубная боль. Я научилась распознавать ее в других женщинах: в искре, мелькавшей в их глазах, когда им казалось, что никто не смотрит; в решительно сжатых под столом кулаках. Война продолжала отбирать братьев, мужей, отцов и хозяев, поэтому все больше и больше женщин из столицы могли обнажить свои кинжалы и забрать наконец то, что им принадлежало. И я ничем от них не отличалась.

Едва ли отличались и деревенские женщины: будь они дочерями, вдовами землевладельцев или главными домоправительницами, как Ана Луиза.

Мое появление помешало Хуане остаться в роли главной хозяйки, и вся иерархия асьенды сместилась. Может быть, и Ана Луиза видела во мне угрозу привычному распорядку ее мира. Может быть, она была права.

– Я намерена сделать это место пригодным для жизни, и сады не исключение, – заявила я, задрвав подбородок, как это тысячу раз делала тетя Фернанда. – Через несколько недель из столицы приедет моя мать, и я хочу, чтобы к ее приезду все было идеально.

От тона моего голоса темные брови Аны Луизы поползли вверх. Она кивнула – со всей серьезностью, но без преувеличения, – после чего взяла с крючка у кухонной двери тряпку и вернулась к уборке.

– Как пожелаете, донья Беатрис.

Ана Луиза вошла в дверь, и запах благовоний только усилился. Горло сжалось. Не от сильного запаха – его я находила скорее необычным, чем неприятным, – но от внезапно накатившего на меня стыда. В своем приказе я услышала голос тети Фернанды. И вдруг я снова очутилась у нее дома, где меня схватили за руку и отвели на кухню, чтобы я присоединилась к вожю кипящей подготовке к званому ужину. Званому ужину, на который меня никто не пригласил.

«Ты ведь понимаешь, тебя не должны видеть», – сказала тогда моя тетя – ее ногти впились мне в руку, оставляя следы в виде полумесяцев. Щеки – слишком темные по ее мнению – залила краска. Она ясно дала понять, что думает о «наследии» моего папы. Его нельзя продолжать. «В ближайшее время будь полезной. – Елей ее голоса будто стекал у меня по затылку. – Может, тогда ты чего-то будешь достойна».

Как бы я ни старалась избегать этого, голос тети Фернанды всегда был со мной, будто слабая вонь гнили, от которой никак не избавиться. Он эхом раздавался в голове каждый раз, стоило мне надеть шляпу и перчатки или взглянуть на себя в зеркало. Это из-за тети каждый раз, беря Родольфо за руку, маленькая, уязвленная часть меня хотела отпрянуть от него – ведь я этого не заслуживала. И вот я услышала отзвук ее голоса в своем, когда давала поручение Ане Луизе. От стыда у меня запершило в горле.

С отъездом Родольфо я стала хозяйкой. Я ждала этого момента неделями, но теперь же, когда власть принадлежала мне и только мне, я понятия не имела, как ею распоряжаться.

Я отвернулась от Аны Луизы и отправилась по темному, неприветливому проходу к палисаднику. Оказавшись там, я уперла руки в бока и, как генерал на поле битвы, окинула взглядом увядающих райских птиц, сорняки дикой агавы и поросшие травой цветочные клумбы у входной двери.

Мне было страшно от того, как открыто Ана Луиза выражала свою неприязнь. Я еще неустойчиво стояла на ногах и сорвалась на ней. Не стоило так грубить... Я не стану укреплять за собой власть, как тетя Фернанда, – высокомерием и холодностью, иначе они посеют ненависть и боль, как это произошло со мной и большинством слуг тети.

Но каким тогда образом мне утвердить положение хозяйки? Мне не повезло иметь прирожденную власть, как у Родольфо или как у других мужчин. Или как у Хуаны – дочери землевладельца и креола. Мне предстояло найти собственный путь. Так или иначе, я должна была сделать это до приезда мамы.

Если, разумеется, она все же ответит на письма, в которых я умоляла ее приехать. Мне оставалось лишь надеяться, что мама вынесет присутствие Родольфо.

Я отбросила эти мысли прочь и, натянув на руки кожаные перчатки, принялась за клумбы. Я яростно вырывала сорняки, оставляя за собой кучки мертвых цветов. Не учитывая перерыва на обед и небольшую сиесту в тени дома, я продолжала свое занятие, пока сад не достигли сумерки.

– Что, бога ради, вы делаете? – Я подпрыгнула.

Надо мной стояла Хуана. Сощурившись, она осматривала следы пота и грязи на моей шляпе и платье. От солнца ее щеки приобрели розовый оттенок, на ткани у горла и под мышками виднелись пятна пота.

– Мой брат сказал бы, что для этого у нас есть слуги, донья Солорсано, – процедила Хуана.

Я вытянула руки из грязи и отряхнула перчатки. Хуана насмеялась надо мной? Я не видела выражения ее лица, пока вставала и отряхивала юбки. После нашего совместного ужина мне стало понятно, что Хуана ни во что не ставит мнение Родольфо. Так же, как и он – ее. К тому же она не считала нужным ухаживать за садами, в отличие от агавы. Но почему?..

– А мой муж сказал бы, что он восхищается женщинами, которые понимают, каких усилий требует управление имением.

Я слышала, как Родольфо обсуждал со своими соратниками важность женского образования и возможность управлять асьендами во время войны, – поэтому я переврала его слова, чтобы они звучали так, будто он одобрил бы мое поведение.

Хуана фыркнула и оглядела отметины в земле, оставшиеся после моей работы.

– Восхищение – одно дело, а замужество – совсем другое.

Я сделала вид, что занята своими перчатками, чтобы спрятать удивленное выражение на лице. Так, значит, Хуана никогда не находила Марию Каталину за вырыванием сорняков... Что еще ей было известно о первой жене Родольфо? Они ведь какое-то время жили в асьенде вместе.

– Я присоединюсь к вам за ужином, – бросила мне Хуана.

Она объявила о своем намерении так, будто хозяйкой была она и дом принадлежал ей, а не мне. Я прикусила язык, чтобы не ответить колкостью.

Вражда между мужем и его сестрой, интерес, который Хуана представляла для доньи Марии Хосе и других жен землевладельцев, а также слухи о почившей Марии Каталине... Мне было неведомо так много об асьенде Сан-Исидро. В отличие от Хуаны.

Если она потеплеет и перестанет видеть во мне угрозу, быть может, она даже станет мне доверять. И тогда я стану полноправной хозяйкой. Асьенда будет принадлежать только мне. Но пока что я не могла рисковать и объединяться с Хуаной. Слишком рано.

Она зашагала к дому, и я последовала за ней.

– Что вы думаете о доме? – поинтересовалась Хуана, подняв голову и заскользив взглядом по высокому потолку в прихожей. Это был пустяковый вопрос, безупречный и безобидный на поверхности, но все же под ним что-то таилось.

– Я... – Слово повисло в воздухе. Хуана повернулась ко мне. Вечерний свет из открытой двери освещал ее лицо, отбрасывая блики на растрепавшиеся бронзовые пряди, которые выбились из узла на затылке. Во взгляде ее широких бледных глаз читалась такая честность, что я не могла ответить чем-то, кроме доброты, и решила озвучить именно то, что было у меня в мыслях. Я развязала шнурки на шляпе и сняла ее с волос, пропитавшихся потом. – Я хочу снести крышу. Мне кажется, только так можно впустить сюда столько свежего воздуха, сколько мне требуется.

Хуана неожиданно разразилась смехом, звук которого взлетел до потолка и остался там, запутавшись в паутине.

– Мне казалось, Родольфо говорил о вас как о дочери генерала, а не артиллериста.

В груди слегка потеплело от смеха Хуаны, но я быстро охладела. Родольфо рассказывал ей обо мне, так почему же он не сказал мне ни единого слова о ней? Какие секреты он еще от меня таил? О Сан-Исидро. О своей первой жене.

– Имеются ли у вас еще чудовищные планы?

Чего мне действительно хотелось, так это отобрать у тлачикеро мачете и прорубить в стенах окна.

– Добавить цвета, – бросила я.

– А что, если дому не понравится цвет? – подразнила меня Хуана. Это была издевка или она проявила дружелюбие? В столице женщины привыкли играть словами в шахматы – они изящно кружились вокруг фарфора и шелков, наблюдая друг за другом, защищая свою территорию и готовясь сбросить соперниц с доски. По этой причине я не была близка ни с кем, за исключением мамы. Даже мои кузины и подруги – в то время, когда папа был жив, – держали когти наготове, оставались недоступными и не подпускали меня близко своими колкостями и косыми взглядами.

– Дому понравится то, что я скажу. – Я сложила руки на груди и тихо добавила: «Потому что этот дом принадлежит мне». – Начнем с синего.

Хуана растянула рот в ухмылке, отчего ее тонких губ стало совсем не видно.

– Вы мне нравитесь, – заявила она. – Какие оттенки синего вам хочется видеть, генерал Беатрис?

Я расслабила сложенные руки. Все случившееся после смерти папы укладывалось камень за камнем у меня в груди, и возведенная стена была такой непробиваемой, что даже мама говорила: «До твоего сердца так просто не добратся». И все же мне было приятно слышать, что я кому-то нравлюсь.

Я махнула Хуане, чтобы та шла за мной в сторону лестницы.

– Я привезла из столицы шелка. Такого синего цвета, который вы никогда не встречали.

Посомневавшись мгновение, Хуана все же последовала за мной по коридору. Она молчала, пока мы шли, поэтому мне приходилось заполнять тишину рассказами о том, что я хочу сделать с каждой комнатой. Я бы превратила столовую в копию той, что была у нас дома, – где папа с мамой принимали генералов, а гостиные я бы украсила на мамин вкус, в желтых и розовых тонах.

– Я соврала, что в доме сквозняка, – тихо произнесла Хуана, когда мы поднимались по лестнице. Я бросила на нее взгляд через плечо: выражение лица у нее было отрешенное. Она следовала за мной по пятам, но взгляд ее был обращен к кованым перилам, ведущим к северному крылу. – Правда в том, что... Я не справляюсь со всем этим. Слишком многое здесь нужно сделать.

Хуана продолжила, и с каждым словом голос ее становился ярче и бодрее:

– Раньше здесь было так много людей... Я намного лучше Родольфо помню довоенное время: когда наши родители устраивали приемы, дом был полон людей. Кухни кишели слугами, а вокруг не было ни пятнышка.

– И где сейчас все слуги? – Я открыла дверь и впустила Хуана в свою комнату, продолжая внимательно ее слушать.

– Я их распустила, – отрезала Хуана. – Мы не могли позволить себе такого во время войны. Когда отец умер, а Родольфо присоединился к повстанцам, я осталась одна. Землевладельцы не стали мне помогать после того, что сделал Родольфо. Представить только, Солорсано в рядах повстанцев. Он с таким же успехом мог грабить асьенды с индейцами. Отца здесь уважали, но после такого...

Хуана покачала головой и причмокнула, выражая презрение.

Ее голос отчетливо выделил слова «повстанцы» и «индейцы». Я тихо цыкнула в знак неодобрения. На мгновение я даже подумала сказать ей, что эти люди и есть та власть, к которой в конце войны присоединились все консервативные землевладельцы и приверженцы монархии, и что именно повстанцы сейчас управляют республикой. Именно благодаря им установился мир, а асьенда Сан-Исидро продолжила существовать и получать прибыль от продажи пульке. Благодаря им Хуана жила так, как жила. Я снова обернулась и взглянула на нее; черты ее лица приобрели каменное, решительное выражение. Я решила прикусить язык.

– Управление асьендой легло на мои плечи. Одна лишь Ана Луиза была мне в помощь, – продолжила Хуана, игнорируя мое молчание. – Нужно было бережно обращаться с деньгами. Или так, или земли пошли бы на продажу.

Теперь я лучше понимала, почему дом так обветшал. Не потому, что Хуану больше заботила агава, чем сады. Она забросила дом, который принадлежал ее семье целыми поколениями, потому что была готова сделать все, чтобы сохранить землю. Асьенда, пусть и в таком виде, дарила ей свободу. Мне тоже пришлось принести жертвы, чтобы быть независимой.

Может быть, у нас было больше общего, чем мне сначала показалось. И, может быть, нам не придется бороться за место хозяйки – мы станем союзницами. Или даже подругами, несмотря на то как сильно различаемся.

Я села около сундука, где хранились шелка; внутри лежала юбка насыщенного синего цвета – ее мне купила мама, еще до того как я объявила о помолвке с Родольфо. Тогда я злилась на маму за то, что она потратила наши скромные сбережения на подарок в честь именин, но сейчас мне хотелось покрыть этим цветом весь дом в ее честь. Я хотела, чтобы синей стала обивка стульев, фарфор, стекла...

Раздался щелчок замка, я открыла сундук.

– Боже правый! – закричала Хуана. Она отскочила назад, ботинки заскользили по полу.

Шелка в сундуке пропитались темной жидкостью. Я не могла даже пошевелиться. В нос ударил металлический запах, голова пошла кругом. Мои шелка... Подарок от мамы, памятные вещи со времен, за которые я держалась, которыми дорожила. Все они... промокли. Но как такое возможно? Две недели назад, когда мы ехали сюда через горы, шел дождь, но сундуки были накрыты... Я потянулась к содержимому.

– Не прикасайтесь! – Это был пронзительный крик Хуаны. Кончиками пальцев я почувствовала липкое тепло и в ту же секунду отпрянула.

Шелка были красными. Яркими, кроваво-красными. Мне в уши будто влетела тысяча пчел, и стало слышно только гудение.

С руки соскользнула густая алая капелька, приземлившаяся в сундук с тихим всплеском.

Мои шелка были пропитаны кровью.

7

Хуана схватила меня за плечо и оттянула от сундука.

– Мы идем на кухню, – приказала она; голос пробился сквозь пелену потрясения. Хуана перехватила мою руку и резко подняла на ноги. – Идемте. Сейчас же.

На кухню? Чего ради нам идти туда, если в моем сундуке сейчас столько крови, что ею можно было бы залить весь ковер, стоит только перевернуть сундук? Лицо Хуаны побелело, расширившиеся глаза забегали по комнате.

– Мне нужно поговорить с Анной Луизой, – выдала она. Слова прозвучали пусто, будто Хуана намеренно придала им такой тон. – Чтобы разобраться, кто стоит за этой проделкой.

Я все еще неспособна была произнести ни слова. Кто-то испортил мои шелка стоимостью в тысячи реалов, а для Хуаны это всего лишь «проделка»? Она наполовину протащила меня к лестнице. Мы быстро спустились вниз, перепрыгивая через ступеньки, и вновь оказались в тени большой гостиной. Температура здесь упала. Я охнула, когда Хуана протащила меня за угол, ведущий к северному крылу, славящемуся своим неестественным холодом.

Я услышала насыщенный запах благовоний, не успели мы дойти до Аны Луизы. Повернув за последний угол, мы увидели свет, исходящий из кухни. Клубы дыма выползали оттуда в прихожую, будто пытливые пальцы. На земле, у порога, лежали веточки и травы – те растения, которые я сегодня пропальвала. Хуана аккуратно обошла их, я же смела все юбками, пока она вела меня к задней части кухни, двери которой выходили в сад.

Ана Луиза громко цокнула, заметив, что я нарушила порядок, и принялась раскладывать травы на свои места. Хуана схватила кувшин с водой и обернулась ко мне.

– Вытяните руку, – рявкнула она. Я подчинилась, так как побыстрее хотела смыть кровь. Но... теперь ее не было. Кровь исчезла.

Хуана вылила мне на руку полкувшина ледяной воды, разлив часть на юбки, и я вскрикнула. Затем она взяла брусок мыла и стала так тщательно оттирать мою руку, будто пыталась избавиться от чернил.

– Все чисто, чисто! – крикнула я, когда Хуана снова что-то на меня вылила. Рука болела и дрожала от холода. Хуана убрала кувшин. Взгляд у нее был твердый как сталь. Меня поразило, насколько сильно они с Родольфо были похожи, но я никогда не видела на его лице такого выражения.

Меня одолело желание отойти от Хуаны, но она все еще крепко держала меня за руку; обручальное кольцо впилось в палец, продавливая кожу чуть ли не до костей.

– Я доберусь до правды. Допрошу слуг. Они меня знают и подчиняются, – своим тоном она дала понять, что мне бы никто не подчинился. – Не говорите с ними об этом. Ясно?

Я кивнула и отрывисто вздохнула, как только Хуана отпустила мою руку. Я ожидала снова увидеть кровь в том месте, где кольцо впивалось в кожу.

Хуана наконец отпустила меня полностью и зашагала в сторону кладовой. Вернувшись, она принесла глиняный кувшин. Взгляд затуманился от сизого дыма: у хозяйственной печи, где готовила Ана Луиза, стояла неглубокая глиняная миска с зажженным в ней копалом.

Я оглянулась. От дома до выбеленных стен, окружающих сады, распластались густые тени. Над домом, с южной и западной стороны, нависало небо, тяжестью как будто прибитое к темноте. В сумерках раздавались негромкий собачий лай и неразборчивые голоса – наверное, из поселения. Все это звучало так недостижимо далеко, словно из какого-то сна, который заканчивался в том месте, где начинались оштукатуренные стены дома. А может, наоборот, реальность начиналась за его стенами, и это я попала в ловушку бесконечного, сбивчивого сна.

– Проходите, – бросила Хуана, приглашая меня сесть за маленький столик. Сама она откуда-то достала калебасовые¹⁶ чаши и принялась наливать в них прозрачную жидкость из кувшина.

Ана Луиза задула огонь в печи. Богатый запах подогретых тортильяс и бобов привел меня обратно на кухню. Я села за стол, и Хуана с громким стуком поставила на него кувшин.

– А su salud¹⁷, – сухо сказала она и, поднеся к губам чашу, сделала большой глоток.

Ана Луиза осуждающе цокнула.

– Не дождавшись ужина, донья Хуана?

Хуана не ответила. Ее лицо так и оставалось бледным, но напряженные плечи понемногу расслаблялись. Она больше не была похожей на змею, готовую вот-вот напасть на тебя. Постепенно, благодаря теплу и запахам кухни, потрясение Хуаны от увиденного в комнате рассеивалось.

То же самое кухня проделала и со мной. Это было место, недоступное мужчинам, – ни Родольфо, ни кому-либо еще. Кухня в доме тети Фернанды была для меня чем-то наподобие тюрьмы, местом, куда меня бросили за неимением лучшего. Эта же кухня стала для меня убежищем. Дым, что вился у дверей из чаш с копалом, напоминал часовых. Взглядом я проскользила по угольным отметкам, начинающимся у дверного проема и уходящим дальше в дом. Темные символы геометрической формы омрачали белую краску до самых стен, где лежала мавританская плитка. Отметки выглядели свежими, как будто появились совсем недавно.

Хуана вложила мне в руки чашу.

– Что это? – спросила я.

– Мескаль, – ответила она, наливая себе еще одну порцию. – Вместо того чтобы добывать агуамиэль для пульке, тлачикеро вырезают сердцевину агавы, потом запекают их в земляной яме, измельчают и перегоняют.

Я внимательно изучила прозрачную жидкость. Женщинам не положено было пить.

В мыслях вдруг раздался голос тети Фернанды: *ты никогда не выйдешь замуж.*

Что ж. Я уже вышла... За мужчину, который дал мне дом и слуг, любителей грязных проделок. Алкоголь обжег язык, и я почувствовала вкус дыма, исходящего от открытого огня.

– Допивайте, – приказала Хуана.

Я остановилась. Ее чаша снова наполнилась. Я вспомнила, как на балах в столице звенели бокалы, как сияло в свете свечей шампанское и в перерывах между танцами раздавались громкие, живые голоса танцующих. Алкоголь развязывает языки, поэтому мне стоило быть аккуратнее и следить за собой. Но что, если Хуана этого не сделает?.. Что я смогу узнать от нее, если она продолжит выпивать?

В голове роились вопросы: кто вылил кровь на мои шелка? Из мыслей никак не выходил скрипучий голос доньи Марии Хосе. *Бедняжка. Такая нежная конституция.* Почему мой муж стал вдовцом? Что Хуана думает о своей почившей невестке?

Поэтому я подчинилась Хуане. Я подняла чашу и дождалась, пока она сделает то же самое. Мы одновременно приложились к своим напиткам. Алкоголь снова обжег мне язык, и я закашлялась.

– Добро пожаловать в Сан-Исидро, – сухо сказала Хуана.

– Что не так с этими людьми? – Я наконец восстановила дыхание и задала вопрос. – Кто мог так поступить?

Хуана с важным видом плеснула себе еще мескаля, Ана Луиза поставила на стол тарелки и села слева от меня, напротив Хуаны. Та наполнила и передала Ане Луизе чашу, после чего потянулась к корзинке с тортильяс, завернутыми в ткань, чтобы те не остыли.

¹⁶ Калебас – сосуд из высушенных плодов тыквы или калебасового дерева.

¹⁷ За ваше здоровье (*исп.*).

– Думаю, лучше нам об этом забыть, – сказала она, не встречаясь со мной взглядом.
– Забыть? – повторила я в неверии.

Хуане легко было говорить, ведь это не она дотронулась рукой до теплой, липкой... Я мотнула головой, чтобы избавиться от этого ощущения. Хуана оттерла мне руку ледяной водой, она была чистой. Так почему же?..

– Но...

– Ешьте, – отрезала Хуана. – Мы обе не в себе.

Мы так и оставались «не в себе», даже когда отужинали сытной домашней едой Аны Луизы – из-за мескаля. Хуана все время подливала его мне, несмотря на то что я протестовала и мне явно было достаточно.

Но я оказалась права. Алкоголь раскрепостил Хуану, и ее холодное лицо оживилось. Я никогда не видела Родольфо опьяневшим – таким ли он был? Веселым и открытым, непри-
нужденно касающимся моей руки мозолистыми пальцами и воркующим о том, какие у меня красивые зеленые глаза? Брат с сестрой оба были от природы невероятно обаятельные, – я и сама не заметила, как хохочу над историями Хуаны и над тем, как они с Аной Луизой обсуждают местные скандалы, хотя мне было неизвестно, о ком в этих историях идет речь и что они вообще значат.

Ставшие громкими от алкоголя голоса, запах огня и копала и несущие вахту часовые из дыма убаюкали меня до состояния покоя. Я была уверена, что обе женщины уже достаточно выпили и я могла наконец задать им вопросы, зудевшие под кожей. Я вклинилась в их разговор, пытаюсь сделать голос как можно нежнее и невиннее.

– Мне так хочется о ней узнать, – сказала наконец я.

– О ком? – уточнила Ана Луиза.

– Как же ее звали? – я остановилась, будто пытаюсь вспомнить имя. Разумеется, я его помнила. Как я могла забыть? – Мария Каталина.

Глубоко внутри дома, вдали от теплой кухни, хлопнула дверь.

Все мы подпрыгнули. Хуана с Аной Луизой сидели на краешках своих стульев, будто загнанные зайцы, их внимание было приковано к двери.

– Что это было? – на выдохе спросила я.

– Сквозняк, – глухим голосом ответила Хуана.

Но он не тронул дым благовоний. Тот продолжал виться, неспешно, как танцовщик, и утекать в застывший, мрачный дом.

Хуана взяла кувшин и вылила остатки себе в чашу.

Ана Луиза протянула руку в попытке остановить ее, но Хуана бросила на нее взгляд, оставшийся для меня загадкой, и та замерла. Я потеряла счет чадам Хуаны, но, судя по тому, как прикрылись ее глаза и как перекосилась поза – локти теперь оказались на столе, она тоже.

Я переняла ее положение и опустила подбородок на руки – чтобы казаться маленькой. Невинной.

– Какой она была?

Расскажи, заклинала я Хуану, будто сила моих путаных от выпивки мыслей могла поколебать ее. Расскажи, почему Родольфо молчит о ней. Расскажи, почему другие землевладельцы тебя недолюбливают.

Лицо Хуаны сделалось отстраненным; я хорошо знала этот взгляд – как и Родольфо в такие моменты, она теперь была не со мной, а где-то в своей памяти, где-то далеко отсюда.

– Именно такой, какой полагается быть жене землевладельца, – в ее голосе засквозила резкость. – Утонченная. Изысканная. Богатая, разумеется, потому что тогда Родольфо еще заботили деньги. Проницательная. Она видела все.

Мое лицо онемело от выпивки, и я молилась, чтобы оно не выдало задетой гордости. То есть я не была образцовой женой землевладельца? Я знала, что небогата и что мало чего

привнесла в этот брак, но ведь это не значило, что после женитьбы на мне Родольфо потерял всякое чутье к деньгам. И тогда смысл слов Хуаны дошел до меня. Ее насмешливый тон приоткрыл завесу, и на долю секунды я успела взглянуть на правду.

– Она вам не нравилась.

Глаза Хуаны впелись в меня, изучая лицо. Теперь-то она была здесь, резкая и пугающая. Я сболтнула лишнего.

Хуана улыбнулась мне едва заметной, приторной улыбкой. Затем встала, взяла меня за руку и подняла на ноги. Как ей удавалось стоять так ровно, в то время как я едва держалась на ногах, а кухня ходила ходуном? Она обвила меня рукой за талию и повела в сторону выхода из кухни, к двери, ведущей в дом.

– Я соврала, – проговорила она мне в ухо. Горячее и сладкое от алкоголя дыхание опалило кожу. – Даже дважды. Дело в том, что... Я боюсь этого дома. Я не могу войти внутрь, особенно когда темно. Ана Луиза тоже. Но вот вы... – Она отпустила меня, и от внезапности я шагнула в темноту, пытаясь удержать равновесие. – Вам пора спать, донья Беатрис.

Она сунула мне в руку горсть трав. Разжав свою потную ладонь, Хуана высвободила их землистый травяной аромат. В другую мою руку Ана Луиза вложила зажженную свечу. Дым закружился вокруг них, насмешливые пожелания доброй ночи перекликались друг с другом и отдавались эхом, пока я уходила, а тепло и свет кухни все больше и больше отдалялись.

Я завернула за угол: ноги точно знали дорогу до спальни, а вот тело подводило меня. Слова Хуаны не спешили доходить до меня из-за мескаля, но, стоило оставить кухню позади, стоило холодному сквозняку ударить мне в лицо, я наконец поняла, что она сказала. Хуана боялась дома.

Холод просочился сквозь платье, до самых костей, ввинчиваясь в грудь ледяными ручейками.

Хуана с Аной Луизой захлопнули дверь в кухню.

Я осталась одна.

Единственная свеча едва-едва прорезала темноту. Я подняла горсть измельченных трав, и в носу зашипало от их землистого запаха. Голова закружилась. Позади меня вдруг раздался детский смех. Пламя свечи бешено заплясало, и я отпрянула, сердце ударилось о ребра.

Здесь никого не было.

Рукой с травами я подхватила юбки. Вперед. Мне нужно добраться до комнаты. Свеча отбрасывала крошечный ореол света, которого едва хватало, чтобы видеть на фут перед собой.

Снова раздался смех – на этот раз еще звонче; он был робким и легким, совсем непохожим на смех Хуаны. Я это все выдумала? Я никогда до этого не пьянела, а, судя по заплетаящимся ногам и расплывающемуся взору, именно это со мной и происходило. Опьяневшие люди слышат разные вещи? Чувствуют липкое и холодное прикосновение к щеке, будто это чья-то плоть?

Я не хотела знать ответ. Я решила как можно скорее взобраться по лестнице. И вдруг шеи коснулись холодные пальцы. Нет же, мне просто показалось, я выдумала и ощущение мертвецки холодных пальцев на мочках ушей, и чувство, как они пробираются к волосам... На плечах оказались две ладони, которые толкнули меня вперед. Я вскрикнула и упала на колени, виском задев перила.

Голос становился все разборчивее, переходил от искаженного смеха к беспорядочной речи, как будто разговаривал с кем-то; тон его делался все выше и злее – задавая вопросы и требуя ответов.

Из-за страха я забыла о боли в коленях и черепе, весь мир сузился до свечи в руках и щекочущих пальцев, снова тянущих меня за волосы.

Мне нужно было выбирать. Что, если эти руки сбросят меня с лестницы? Я кончу так же, как та крыса на ступеньках Сан-Исидро – с мозгами, разлетевшимися по холодным камням?

Осторожно выставив свечу вперед, я заставила себя подняться на ноги и, согнувшись, бросилась по ступенькам к покоям, при этом спотыкаясь на каждом шагу. Всем телом я навалилась на дверь, пока она не распахнулась, и едва не упала на пол. Дверь захлопнулась. Голос стих.

В дальнем углу комнаты показался темный силуэт сундука, крышка которого все еще была открыта, будто зияющая пасть животного. Я обошла его стороной и направилась в свою спальню, но споткнулась на пороге. Я выставила вперед руку, чтобы не упасть, но слишком поздно осознала свою ошибку.

– Нет! Нет! – крикнула я, когда пламя свечи погасло из-за резкого движения.

Темнота обрушилась на комнату, как удушающая шерстяная накидка. Воздуха не хватало.

Нет. Я не могла находиться в этой спальне в темноте. Не могла, не без Родольфо.

В груди все сжалось при воспоминании о вспышке красных глаз в темноте. На этой богом забытой асьенде не было никаких котов.

Хуана солгала. И отправила меня сюда в одиночку.

Сердце билось все быстрее, пока я на ощупь добиралась до трюмо, где хранила спички. Руки дрожали, потому что я не разжимала кулак с травами. Вот. Вот они где. Чирк, чирк, и вспышка пламени ожила.

– Хвала небесам, – хрипло прошептала я и принялась зажигать свечи на трюмо.

Я зажгла их все. Теперь у меня был алтарь трепещущего пламени, и отражение в зеркале рассеивало свет по всей комнате.

Я обернулась.

Темнота, словно животное, отпрянула назад. Дикий инстинкт, пробудившийся у меня на заливке, под кожей и в мышцах, сбежал вниз по спине.

Я была не одна.

8

Следующим утром я проснулась с несвежим привкусом во рту и ощущением липкости и сухости на губах. Сквозь окна, высоко врезанные в стены, мне подмигивали горстки голубого неба. Я потянулась и тут же поморщилась, почувствовав боль в глазах и вспомнив, почему уснула в платье, а свечи растаяли и превратились в бесформенные лужи на подносе.

Я перевернулась на спину и уставилась на потолок с балками.

Что-то с этим домом было не так.

Что-то рыскало по нему днем и только крепло ночью.

Я спала, свернувшись в клубок, крепко прижимая к груди травы, будто они были моим талисманом. Я разжала затекшую руку: корешки и листики оставили на ладони и пальцах красные следы. Я нахмурилась. Неужели мой разум играл со мной? Прешлой ночью я была не в себе.

Но... кровь в сундуке. Холодные руки, толкнувшие меня на лестнице...

Я вздрогнула. Может быть, это слуги так меня проверяли? Они боялись, что я помешаю их порядку, заставлю разбираться с заброшенным домом и решили так меня спровадить?

Я не торопилась принимать ванну и одеваться, но постаралась разделаться с этим как можно быстрее, после чего отправилась в кабинет. Я подошла к стене, на которую повесила папину карту, и остановилась.

Слабая часть меня была вполне готова к тому, чтобы ее спровадили. В столице я могла бы полноценно играть роль жены Родольфо из высшего общества и принимать гостей в позолоченных комнатах дома, принадлежавшего его семье.

Во рту сделалось кисло, как только я вспомнила, кого бы мне пришлось развлекать. Членов правительства. Людей, которые свергли императора. Людей, которые боролись на одной стороне с моим отцом, а потом предали его.

Смогла бы я простодушно им улыбаться и наливать шоколад? Смогла бы бездумно болтать с их женами и ворковать с детьми? Как бы мне сейчас ни было плохо, какое бы изнеможение и тошноту я ни чувствовала, меня одолело страстное желание схватить с трюмо стеклянную бутылочку с парфюмом и со всей мочи швырнуть ее в оштукатуренную стену.

Нет. Я бы не смогла. *Я бы так не поступила.*

Это мой дом. Я не стану избегать его, как Хуана и Ана Луиза, и не стану подпрыгивать каждый раз, как где-то скрипнет половица. Я начисто отмою стены от копоти. Я смахну «защитный» слой пыли и выпрямлю его кривые крылья, переломаю и заново вправлю сломанные кости. Я превращу дом в *дам*, сделаю его своим. Своим убежищем.

В конце концов, у меня не было другого выбора.

Даже если это значило бы видеть сундук, полный одежды в крови. Рано или поздно мне бы пришлось с этим столкнуться – чтобы посмотреть, можно ли еще что-то спасти. Так лучше сделать это сейчас, когда солнце высоко и светит ярко.

Я развернулась. Сундук был открыт, как мы с Хуаной и оставили его. Я собралась с духом, готовясь увидеть рой мух. К горлу поднялась тошнота. Я подобралась ближе, чтобы посмотреть внутрь.

Синий.

Шелк был темного, насыщенно-синего цвета – как выдувное стекло. И он был *чистый*.

Я опустила на колени, стиснув зубы от резкого движения: больная голова звенела. Я осторожно коснулась шелка, потом разворошила его в поисках любого следа крови. Комнату заполнил звук шуршащей ткани.

– Какого черта... – пробормотала я.

Издали, как будто за три комнаты от меня, донеслось девичье хихиканье.

Я встала – так быстро, как того позволяла больная голова, – и захлопнула сундук. Комната погрузилась в тишину.

Этого я выдумать не могла. У меня из головы никогда не выйдет выражение лица Хуаны, которая отчаянно терла мои руки, пытаясь смыть кровь, которой там уже не было.

Хуана видела то же, что и я, и мне нужно с ней поговорить. Если сейчас позднее утро, она наверняка где-то в поле или за пределами асьенды – занимается делами, в которые я не посвящена. Значит, я найду ее вечером. Но сначала нужно позавтракать.

Дом с опаской наблюдал за тем, как я спускаюсь по лестнице. Я стяхнула с себя это ощущение, будто лошадь – надоедливых мух. Дома не наблюдают. Это не правда, и вообще такого не бывает.

И все же я ускорила шаг. Меня окутал слабый запах копала; когда я причесалась и собрала волосы в низкий узел на затылке, от них пахло благовониями. Я вспомнила кухню и часовых из дыма: в этой комнате я чувствовала себя в безопасности.

Но когда я добралась до кухни, надежда, зародившаяся в моем сердце, испарилась.

Благовония выгорели, у двери больше не вился дым, а на пороге не лежали травы. Я не почувствовала облегчения, зная, что за мной присматривают...

И тут на пол с грохотом упала миска. В горле застыл крик, я подпрыгнула и обернулась к источнику звука.

Это была Палома, сдержанная дочь Аны Луизы. Она наклонилась подобрать миску и затем вернула ее на место, на полку.

– Донья. Я вас не ждала.

Я постаралась выдавить улыбку, но сердце бешено колотилось. Я приказала ему успокоиться. Как это глупо – испугаться Паломы.

– Я надеялась увидеть Ану Луизу, – объяснила я. – Разве не она занимается готовкой?

– Да, когда хозяин здесь, – тихо ответила Палома. – Но она и сейчас может, если вы пожелаете. Она отправила меня убраться и дала вот это. – Палома показала на яйца, тортільяс и кувшин с чампуррадо¹⁸, над которым поднимался пар, заметный в стылом утреннем воздухе. – Это для вас.

Я горячо поблагодарила Палому и села завтракать, пока она подметала пол. Легкая пряность чампуррадо успокоила тошноту, и я с наслаждением пила его.

Я ужасно боялась, что утро придется провести за оттиранием засохшей крови с шелка, но теперь в этом не было никакой нужды, и это было приятно. Я смогу вернуться к составлению списка того, что мне нужно из столицы, – вещи должен прислать Родольфо. Я оглянулась на дверной проем через плечо. Он зиял передо мной, увенчанный черными отметками. В тени послышался шепот.

Не шепот, твердо поправила я саму себя. Всего лишь скрип столетнего дерева. Ветер, колышущий сухие дубовые листья в саду за кухней. Только это, ничего больше.

– Палома, – начала я.

– Слушаю, донья Беатрис. – Она обернулась и застыла: вся внимание, подбородок покорно опущен, взгляд направлен куда-то в пол, на мои туфли. Палома была зеркальным отражением своей матери, но, в отличие от Аны Луизы, со мной она себя вела совершенно по-другому.

– У тебя есть занятие на утро? – Палома ответила, что не занята, и я попросила ее составить мне компанию, пока буду обходить комнаты. – Я выросла в оживленном доме, с большой семьей, – объяснила я, забыв упомянуть, что эта «большая семья» едва ли считала меня своей

¹⁸ Чампуррадо – горячий мексиканский напиток атоле, в состав которого, помимо кукурузной муки и коричневого сахара, входит топленый шоколад.

частью и низводила до прачки и обжигающего пара прачечной, когда того хотелось тете Фернанде. – Я не люблю, когда в доме так тихо, и нуждаюсь в компании, пока буду работать.

– Хорошо, донья Беатрис, – сказала Палома. Что-то в ее голосе подсказало мне, что с такой просьбой к ней обращаются не впервые.

Я указала на дверной проем:

– Тебе известно, что это за знаки?

– Я не знаю, донья, – произнеся эти слова, Палома продолжила смотреть в пол. Мне было непонятно, говорит она правду или лжет.

Я быстро поднялась вверх за бумагой, угольным карандашом и шалью. Эхо собственных шагов повсюду следовало за мной.

Если не учитывать кухню, покои хозяина и гостиную, которую превратили в столовую, где мы с Родольфо обычно ели, дом был пуст; комнаты поменьше казались мне одновременно пещерами и душными каморками. Я заходила в каждую, размышляла, как их можно обставить, и рассказывала Паломе, что здесь нужно убрать. Все это время я делала заметки.

*Зеленая гостиная. Вернуть зеленый цвет. Свежий слой краски.
Переложить кладку камина.*

Столовая. Счистить копоть сверху; добавить перила на балкон для безопасности. Из кованого железа, чтобы сочеталось с дверями. Цвета: золотая обивка в тон столам из темного дерева.

Коридоры: ковры. Избавиться от проклятого эха.

Палома мягко рассмеялась, когда я записала последнее предложение. Я бросила на нее быстрый взгляд. Палома рассматривала листок, который я прислонила к стене, чтобы было удобнее писать.

– Ты умеешь читать? – удивилась я.

Наши с Паломой взгляды встретились: теперь, когда она не отворачивалась, я заметила, какое выразительное у нее лицо и сколько можно увидеть в выражении ее бровей – еще до того, как сама она разомкнет губы.

Палома пробормотала что-то не то утвердительное, не то отрицательное.

От изумления я подняла брови. Слуги тети Фернанды были неграмотными, и я не ожидала подобного от кого-либо здесь, разве что от старшего рабочего.

– Чудесно, – сказала я, правда имея это в виду. Я передала Паломе бумагу и карандаш. – Тогда будешь записывать то, что я говорю, ладно?

Не смотря мне в глаза, Палома покорно взяла приспособления для письма и приступила к своему заданию. Мы работали, пока за час до полудня Палома не сказала, что ей нужно помочь Ане Луизе с обедом для тлачикеро и работников фермы. Вскоре она ушла.

Последняя осмотренная комната осталась позади, и я остановилась у подножия лестницы. Почувствовался резкий перепад температуры. Сама не знаю почему, мой взгляд остановился на заколоченном входе в северное крыло.

Там что-то повреждено, сказал Родольфо. Землетрясение или наводнение. Если он и поручил Мендосе разобраться с этим, работа явно была не выполнена.

До чего странно. Я положила бумагу с карандашом на ступеньки, твердо решив самой изучить повреждения. Первая доска поддалась легко, и я отбросила ее в сторону. Звук удара о камни эхом разлетался по проходу, и я стала одну за другой снимать доски. Наконец вход был открыт. Я подняла со ступеней листок и карандаш и шагнула внутрь.

Над домом все еще сияло солнце, но влажность в этом узком коридоре была густой, как туман. Она тяжелым весом укладывалась мне на грудь, будто кто-то давил на нее руками. Может, рядом был колодец или подземный источник?

Я протянула руку и кончиками пальцев коснулась стены, ожидая почувствовать влагу. Но ее там не оказалось. Стена на ощупь была прохладной и сухой – будто глина, которую на ночь оставили на морозном зимнем воздухе.

Температура в этом доме странным образом менялась тогда, когда я меньше всего этого ожидала. Наш дом в столице был построен из дерева, дом в Куэрнаваке – из камня, поэтому я мало что знала о штукатурке, плотных стенах и тонких окнах.

Наверное, эту часть дома можно использовать в качестве кладовой. Здесь идеально будет хранить вещи, которым нужен холод. Например, воск летом.

Или даже лед, если в Апане была такая роскошь. Я улыбнулась, посмеиваясь сама над собой, – в тщетной попытке ослабить тяжелое давление на грудь. Я годами не видела в домах лед. Надо будет написать Родольфо и спросить, пользуются ли в столице льдом.

Я приложила бумагу к ближайшей стене и начала писать.

Северное крыло: кладовые с естественным охлаждением. Еще раз проверить температуру посл...

И вдруг под моим весом стена пошатнулась. Я попятилась назад, чтобы не упасть. Со стены хлопьями стала осыпаться штукатурка, и от неожиданности я врезалась в противоположную стену с глухим звуком, приложившись об нее головой.

В глазах заплясали звезды, я поморщилась от болезненных ощущений. Утихшая за последний час головная боль накатила с новой силой.

Из-за прошлой ночи я сделалась слишком нервной. *Умница, Беатрис*, подразнила я себя. Жеребенка напугать и то сложнее.

В стене передо мной образовалась выбоина. Куски штукатурки осыпались, как засохшая глазурь с черствого торта. Я нахмурилась. Если стена передо мной была такой же прочной, как и та, что позади, такого рода выбоина могла образоваться разве что от тарана, а никак не от двадцатилетней девушки, которая прислонилась к ней, чтобы что-то написать.

А если она все же была не такой прочной? Стиснув зубы от боли, я шагнула к стене, чтобы самостоятельно осмотреть ее. Как мне казалось, все стены в доме были сделаны из прочных материалов местного изготовления – кирпичей из вязкой почвы, волокон агавы и глины. Такие могли выстоять столетия, вынести все землетрясения и наводнения, но эта стена заметно отличалась.

Я провела пальцами по растрескавшейся штукатурке. От прикосновения она разлетелась, словно перхоть. Вряд ли это вообще была штукатурка, да и на качественную краску не похоже. Я взяла кусочек и понюхала – известковая побелка, нанесенная на выложенные кирпичи. Как же странно... Стены в этой части дома строили наспех? Я нахмурилась. Этот коридор был уже и тусклее других, но я смогла рассмотреть кладку. О Сан-Исидро можно было сказать многое, но в некачественной постройке его не обвинить. Сан-Исидро строили на совесть.

Я отложила бумагу с карандашом и попробовала вытянуть кирпич: тот поддался и оказался у меня в руках. Я сделала шаг назад, удивившись и тут же испугавшись, что все это сейчас рухнет.

Но ничего не произошло. Я аккуратно положила кирпич на пол и заглянула в дыру в стене: там что-то блеснуло. Значит, за стеной что-то было.

Движимая любопытством, я вытянула еще два кирпича, из-за чего половина стены обрушилась, и я с визгом отскочила. Снежинки побелки полетели вниз, поднялись клубы пыли. Да, никудышная была работа, подумала я. Нужно сказать Родольфо, что...

И тут мои мысли замерли. Выпавшие кирпичи закрывали собой... череп. Мне игриво ухмылялся белый, как известняк, череп.

Шея у скелета была свернута, но не так, как у дохлой крысы на ступенях, позвоночник изогнут в неестественном положении – хотя я мало что знала о человеческом теле, чутье подсказывало: с ним что-то не так.

На сломанной шее тускло поблескивало золотое ожерелье. Вот что я увидела.

Кирпич выпал из рук.

В стены Сан-Исидро замуровали тело.

Мне срочно нужно было поговорить с Хуаной.

Я развернулась на каблуках и бросилась бежать.

На летней кухне, во дворе для слуг, я обнаружила Ану Луизу, которая подавала тлачикеро посоле¹⁹ на обед.

– Где Хуана? – прокричала я.

Тлачикеро, слуги и Палома все обернулись на мой крик. Должно быть, я была похожа на умалишенную – выбежала из дома, будто за мной гонятся, вся перепачканная в пыли и известняке, с бешеным взглядом и растрепавшейся прической. Но меня мало это волновало.

– Мне нужна Хуана, – сказала я Ане Луизе. – Немедленно.

Она окинула меня взглядом с головы до ног, после чего кивнула дочери.

– Делай, как просят. Отведи донью Беатрис к донье Хуане.

Тяжелые взгляды окружающих меня людей легли на плечи, словно тысяча рук. Мне хотелось уйти отсюда, мне нужно было убраться. Палома бросила на мать взгляд, выражающий явное нежелание что-либо делать, и очень-очень медленно встала.

– Это срочно, – бросила я ей.

Палома развернулась, лицо ее было неподвижным, как у статуи. Мои слова прозвучали твердо, хотя сама я чувствовала, что вот-вот разобьюсь, подобно стеклу.

Палома жестом велела мне следовать за ней в заднюю часть двора для слуг. Здесь ярко светило солнце, и с каждой секундой я чувствовала себя легче, как будто с каждым шагом дальше от дома с меня снимали по тяжелому слою одежды.

Может, я схожу с ума?

Нет. Это уж вряд ли. Я уверена в том, что видела...

У конного двора нас встретил запах лошадей. Палома провела меня внутрь конюшни, в небольшую комнату у главного входа. Там на табурете, сгорбившись, сидела Хуана – ноги скрещены, голова опущена. Пряди светлых волос падали ей на лицо, пока она чинила уздечку.

– Донья Хуана, – Палома обратилась к ней холодно и бесстрастно; вместо того чтобы выставить руки вперед в знак уважения, она оставила их болтаться вдоль тела. Палома переступила с ноги на ногу, как будто готовилась вот-вот бежать.

Если меня она боялась или стеснялась, то Хуану однозначно ненавидела. Это было написано у Паломы на лице – девчонка едва не зудела, чтобы поскорее избежать общества Хуаны. Мне это показалось удивительным, ведь мать Паломы Ана Луиза была достаточно близка с Хуаной.

Увидев меня, Хуана вскинула брови и бесцеремонно заявила:

– Неважно выглядите.

– Здесь кто-то умер, – выпалила я. – Я нашла тело. Скелет.

Хуана замерла.

По пути из Мехико в Апан мы с Родольфо провели ночь в придорожном постоялом дворе. В одиночку он мог бы проделать этот путь за один день – верхом на лошади, как гонцы, но экипаж ехал медленнее. Чтобы вернуться к дороге, мы встали рано – еще не рассвело, и было бархатное утро, лиловые и розовые цвета на восточном горизонте окрашивали пурпурно-серый купол неба.

¹⁹ Посоле – традиционное мексиканское блюдо, густой суп с кукурузой и мясом.

Когда мы шли к конюшням, Родольфо резко остановился и схватил меня за руку.

– Замрите, – на выдохе произнес он и указал на восток.

Не более чем в десяти метрах от конюшни затаилась пума. Если до этого она выслеживала цыплят или козлов, сейчас ее внимание переключилось на нас. Мы глядели на пуму, пума глядела на нас. До этого я никогда в жизни не видела пум и не ожидала, что плечи у нее будут такими большими, а глаза – такими широко расставленными и умными, оценивающими. Не знала я и что она может быть неподвижной, будто на картине.

Тишину прорезало лошадиное ржание, донесшееся из конюшни.

Родольфо свистнул конюхам и подтолкнул меня, чтобы я медленно пятилась назад, не поворачиваясь к пуме спиной. Он поднял тревогу и велел принести ему оружие, но к тому моменту, как конюхи выбежали с мушкетом, кошки уже и след простыл. Она растворилась в рассвете, как дым на ветру.

Так вот Хуана, смотрящая на меня, была такой же неподвижной, как та пума.

– Что? – переспросила она, отбросив в сторону уздечку, и встала. Что-то в ее плавных движениях тоже напомнило мне пуму.

– Стена обрушилась, – объяснила я.

Почему вдруг у меня перехватило дыхание? Сердце бешено колотилось – возможно, с того самого момента, как я увидела мерзко ухмыляющийся в темноте череп.

– Идемте. Вам нужно пойти со мной. – Я сделала шаг назад и стала разворачиваться, чтобы пойти обратно к дому, но даже мышцы отказывались это делать. Меньше всего на свете мне хотелось возвращаться туда и снова ощущать на себе тяжесть.

Хуана нехотя последовала за мной, а Палома за ней. Каждый раз, оборачиваясь через плечо, я видела, что Палома – настороженная, как гончая, – прожигает взглядом дыру в затылке Хуаны.

Когда мы вернулись к дому и свернули в сторону северного крыла, Хуана вся будто поседела, стала медлительнее, и мне даже пришлось рывкнуть на нее два раза, чтобы та поторапливалась.

Вместо того чтобы повернуть направо и пойти в мою спальню, как мы сделали с Хуаной вчера перед тем, как обнаружить вещи, вымокшие в крови, я повернула налево – к северному крылу и разрушенной стене.

Мои заметки так и лежали на полу в проходе, карандаш валялся в нескольких метрах от них.

Но стена была целой. Нетронутой.

– Нет... – прошептала я. – Но...

Хуана с Паломой остановились, пока я понеслась дальше по проходу, проводя пальцами по стене, – по той самой стене, из которой я собственноручно вытянула кирпичи и из-за которой в переполохе чуть не оказалась задавлена. Стена была прохладной и сухой, но теперь я не видела кладки.

– Нет!

Я ударила по стене ладонью левой руки и прикусила губу, когда грубая штукатурка врезалась в кожу. Штукатурка. Не известковая побелка. Не может быть... Я побежала дальше, ощупывая стены в поисках кирпичей и побелки, которая осела на мне пылью. Ради всего святого, на ладонях до сих пор оставались белые следы! Я остановилась в том месте, где на меня чуть не обрушилась стена, и от разочарования шлепнула по стене ладонями.

– Донья... – начала было Палома.

– Оно было здесь! – Я вихрем налетела на них. – В стене была дыра, а там – тело. Там был мертвый человек! Кто-то замуровал его в стену. Оно было здесь, клянусь вам.

Глаза их расширились, но не от страха. В них мелькнуло что-то другое.

Они думали, я сошла с ума.

Удары сердца отдавались у меня в горле.

– Это правда! – прокричала я. – Я прислонилась к стене, и она стала рушиться. Это правда!

К глазам подступили слезы, горло сжалось от разочарования. Я подобрала с пола свои заметки и отброшенный карандаш и сделала так, как и тогда – прислонила бумагу и начала писать.

Прочная стена насмеялась надо мной.

Хуана подняла одну бровь.

– Что это такое? – поинтересовалась она, взглядом указав на мои заметки, после чего подошла ближе и заглянула мне через плечо.

– Список для Родольфо. Я хочу обставить дом и привести его в надлежащий вид. Почему вы меня не слушаете?

Хуана просмотрела список: заметки о столичных торговцах фарфором и плитке «талавера» из Пуэблы, напоминание спросить маму о заморских коврах.

Ее лицо сделалось черствым. Но, повернувшись к Паломе, Хуана натянула на себя маску радушия.

– Вчера донья Беатрис испытала потрясение, – сказала она мягким голосом, будто мама, оправдывающаяся за истерику своего плачущего ребенка. – Думаю, могло возникнуть недопонимание.

Потрясенная, я уставилась на Хуану.

– Нет, – звук вышел полузадушенным. – Никакого недопонимания нет. Зато есть что-то – а точнее, кто-то – в этой стене.

– Можешь быть свободна, Палома, – мягко сказала Хуана. – Я об этом позабочусь.

Взгляд Паломы метнулся ко мне. Я не могла разобрать выражения ее лица: будь у меня больше времени или знай я ее получше, может, все бы поняла, но она развернулась и ушла. Ее шаги отдавались эхом в коридоре.

Хуана взяла меня под руку.

– Пойдемте.

Я уставилась в пол.

– Не нужно унижать меня перед слугами, – огрызнулась я – возможно, это прозвучало более резко, чем следовало. Встретившись взглядом с Хуаной, я не просто тряслась – смущение заливало щеки. – Вы слышали, что сказал Родольфо. Пока его нет, мое слово закон. Слуги не станут уважать меня, если вы продолжите так со мной обращаться.

Может быть, этого Хуана и добивалась, но в любом случае вида она не подала: с ее лица так и не исчезла маска радушия.

Она зацокала.

– Вы хорошо спали прошлой ночью? – ласково спросила она. – Может, вам это приснилось? Мне снились ужасные кошмары, когда я была ребенком.

Меня накрыло волной ненависти. Да как она смеет? Я в ярости передернула плечами, пытаюсь сбросить руку Хуаны со своей, но хватка только усилилась.

– Отпусти меня, Хуана.

– Почему бы вам...

– Нет!

На мое удивление, Хуана отступила. От внезапности я чуть не упала.

– Как пожелаете, донья Беатрис, – проговорила она шелковым голосом, расшитым ниточками яда – тонкими, как паутина. – Ваше слово закон.

Хуана улыбнулась мне, бледно и безрадостно, и пошла прочь. Размашистая походка унесла ее за угол и за пределы моего зрения еще до того, как я успела произнести хоть слово.

Я услышала, как вдалеке с грохотом захлопнулась огромная входная дверь. Долгое время я продолжала стоять на месте, в ушах бешено стучал пульс.

А потом со стороны моей спальни вдруг донесся слабый звук: женский голос напевал имя.
Хуана, Хуана...

Волосы на руках встали дыбом. Стоя в этом проходе, обездвиженная от страха, я открыла для себя несколько вещей:

В этом доме кто-то умер.

Мне нужна помощь.

В Сан-Исидро ее ждать не от кого.

9

Через два дня Палома принесла письмо Родольфо, отправленное в ответ на мое. Я пропальывала сорняки в саду перед входной дверью, широкая шляпа скрывала мое лицо от солнца. Мне хотелось расцеловать Палому, когда она вручила мне письмо, но я заметно поникла, когда увидела ее настороженность. Я не знала, что хуже – презрение во взгляде Аны Луизы или явное смущение Паломы?

Как только я сорвала печать с письма, грязными пальцами пачкая бумагу, Палома ушла. В этот раз я попросила не только мебель.

Дорогая Беатрис, – начиналось письмо. Родольфо сообщил, что понимает мое желание позвать священника, чтобы тот благословил дом, закопал в саду статую такого-то и такого-то святого, а также окропил святой водой порог дома и комнаты. *Передайте вложенное письмо падре Гильермо. Они с помощником будут более чем любезны оказать Вам эту услугу.*

Губы искривились в мрачной ухмылке. Я не была набожной. Взгляды на духовенство я позаимствовала от папы, а он часто повторял слова Мигеля Идальго-и-Костилья²⁰. О своих недругах из церкви священник-повстанец говорил, что те стали католиками «лишь для того, чтобы извлечь выгоду для себя: их бог – деньги. Под видом религии и товарищества они хотят сделать вас жертвами своей ненасытной жадности».

Я не верила священнослужителям – по меньшей мере, пока такие люди, как мой муж, могли купить их самих и их услуги. Тем не менее мне нужно было как-то помочь самой себе. Хотя я и не доверяла священникам, отчасти – и то была совершенно глупая надежда, рожденная бессонницей и отчаянием, – я верила, что они в силах сделать нечто, не подвластное мне.

Мне не было дела до святой воды или до молитвы, которую священники обычно бормочут на пороге.

Мне нужен был обряд изгнания.

А благодаря письму Родольфо священники придут в мой дом, и я докажу им, как отчаянно он мне нужен.

* * *

Наступило воскресенье. Я надела свой лучший наряд, как мы обычно делали с мамой по воскресеньям, и пощипала себя за щеки перед зеркалом, чтобы придать бледному лицу цвет. Я провела несколько беспокойных ночей – сны мои населяли мрачные тени, от которых я просыпалась с криком на губах и колотящимся сердцем и тянулась за спичками, чтобы снова зажечь свечи: я попросила Ану Луизу принести толстые сальные свечи. Я обыскала клумбы, на которых она высадила свои травы, и, не имея иного оружия, чтобы усмирить страх, срезала душистые, сочные пучки, которые затем разложила у порога в спальню.

Я размышляла об угольных отметках на кухне, но едва не рассмеялась от одной только мысли, что задам вопрос о них священникам – нелепее будет только спросить об этом отстраненную Ану Луизу.

Палома составила мне компанию по дороге в город. В экипаже стояла темнота. Девушка сдвинула одну из шторок и уставилась в окно, старательно избегая моего взгляда. У нее явно не было намерения вести по пути в Апан светскую беседу – собственно, у меня тоже.

²⁰ Мигель Идальго-и-Костилья (1753–1811) – мексиканский католический священник и революционный вождь, положивший начало войне за независимость страны от испанского владычества своим знаменитым призывом: «Да здравствует независимость! Да здравствует Америка! Смерть дурному правительству!»

Как и в наш с Родольфо первый визит, люди перешептывались, видя, как я иду по проходу, и их любопытные взгляды давили мне на плечи, пока я совершала коленопреклонение. Заняв свое место в передней части храма, я схватила эту власть и прижала ее к груди, и расползающееся тепло сожгло воспоминание о взгляде, которым Хуана наградила меня в том проходе. Я не сошла с ума. Не впала в ступор. Мне не показалось.

С этим домом что-то было не так.

И благодаря замужеству за Родольфо, благодаря тому, что за меня просит мужчина, я могла уговорить священника помочь мне все исправить.

Я наблюдала за падре, который совершал Евхаристию. Когда он говорил, кожа под его подбородком тряслась – как и полагалось упитанным людям. Война обошлась с ним милостиво, в отличие от его прихожан. Я потеряла счет вдовам, пока рассматривала людей, толпящихся у церкви, чтобы получить причастие. У многих мужчин с костылями, кто по возрасту годился в солдаты, виднелись заколотые пустые брючины и рукава.

Благословив их всех, падре Гильермо стал один за одним прощаться с горожанами у арочного проема. Я заколебалась, увидев, как он сжимает смуглые руки прихожан в своих собственных – белых, пухлых и пятнистых от старости. Ключки волос на его лысеющей макушке становились силуэтами на фоне ослепительно-лазурного неба Апана.

Я подошла последней, Палома следовала в моей тени.

– Донья Беатрис. – Падре очевидно был рад моему появлению. – Надеюсь, вы хорошо устроились.

Руки его были такими же потными, как я и представляла. Я выдавила из себя что-то, как надеялась, похожее на сияющую улыбку, на деле же считая мгновения, когда приличия позволят падре отпустить мою руку. Я насчитала по крайней мере на два мгновения больше, чем ожидала, но все равно продолжала улыбаться.

Мне пришлось залезть в свою плотно заполненную копилку светских разговоров и вытянуть оттуда несколько тем: «красота сельской местности», «добродышие и великодушие моего мужа» и «покой нашего дома», чтобы заболтать падре. Только после этого я достала из сумочки письмо Родольфо. Я прочла его, а потом запечатала обратно: до чего приятным было обнаружить, что взамен на исполнение моих желаний Родольфо пообещал священнику серебра.

Их бог – деньги.

Если бы только падре знал, за что получит свою плату.

Я написала Родольфо длинное письмо с просьбой привести в Сан-Исидро священника, но я не затронула тему, которая действительно меня волновала: тело в стене, которое не видел никто, кроме меня.

Менее желанной, чем дочь предателя, была только сумасшедшая. А я таковой не являлась. Мне всего лишь, как и любой набожной католичке, хотелось, чтобы священник переступил мой порог своими пухлыми ногами и окропил святой водой кое-какие вещи в обмен на деньги моего супруга. Вот и все мои желания.

Ну, или по крайней мере так я сказала падре Гильермо в ярком свете воскресного утра.

Как только он придет в мой дом, мы заведем совершенно другой разговор.

– Ко мне присоединится падре Андрес. – Гильермо жестом указал через плечо на второго священника, задержавшегося у двери, чтобы попрощаться с горожанами. Это был худощавый молодой человек с серьезным выражением лица, обычно присущим воспитанникам. Я заметила его еще во время мессы – вбродя, порхающего у алтаря за внушительной фигурой падре Гильермо. – Он хорошо знаком с именем.

Падре Андрес бросил на меня взгляд поверх головы Паломы. Они вели разговор на приглушенных тонах, и только сейчас мне бросилось в глаза, что строгая линия его носа и форма глаз напоминают мне Палому – как если бы они были родственниками. Хотя, в отличие от Паломы, глаза у падре были светлыми, а под прямыми солнечными лучами даже ореховыми.

Вряд ли он был намного старше меня: продолговатое и гладко выбритое лицо выдавало в нем юность. Я подумала о мужчинах с костылями и вдовах; среди горожан молодых людей осталось совсем немного. Наверное, если б падре Андрес не стал священником, ему бы сейчас тоже не доставало конечности. Или бы он вовсе тут не стоял.

Он разорвал наш зрительный контакт, и лишь тогда я поняла, как непозволительно долго удерживала на нем взгляд. От стыда я почувствовала тепло, разливающееся по шее.

– Донья Беатрис, – пробормотал Андрес в знак приветствия, застенчиво опустив глаза. – Добро пожаловать в Апан.

* * *

Уже следующим утром я ждала священников у ворот Сан-Исидро, слегка покачиваясь от усталости. Прошлой ночью я спала особенно плохо. Казалось, дом прознал о моей проделке – что я пошла и наябедничала родителям, а теперь мужчины с большими книгами и еще большим чувством собственной важности придут и вытрясут из него всю душу.

И дом решил отомстить.

Выходя вчера вечером из кухни, я почувствовала дуновение холодного ветра. Сначала я подумала, что где-то распахнулась дверь, но ветер ворвался в коридор, растрепал мою прическу и льдом проник в кости, после чего сжал грудь когтистой лапой. Я побежала, пытаюсь прорваться сквозь него, но ветер был слишком силен. Тогда я пошла медленным шагом, зубы стучали, тело сопротивлялось. Мне сквозь силу пришлось пробираться к лестнице, пока ветер хватал меня за руки.

В руке я сжимала кусок копала, который собиралась зажечь в комнате, – как Ана Луиза тогда в кухне. У меня не получилось купить копал в городе, как планировалось, поэтому, пока Аны Луизы не было, я пробралась в кладовую и опустошила ее запасы. Выбор был скудным – должно быть, она хранила все у себя дома, в поселении.

Неизвестно, сколько времени мне понадобилось, чтобы попасть в комнату. Холод сковывал мои конечности и давил на грудь; чувство это только ухудшилось, стоило мне войти в покои. Я словно шагнула в ледяной поток. Наверное, от моего дыхания даже шел пар, но его было не рассмотреть в этой кромешной, густой, чернильно-тяжелой темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.